

Бертольд Брехт

Мать

Жизнь революционерки Пелагеи Власовой из Твери

По роману Максима Горького

В сотрудничестве с З. Дудовым, Г. Эйслером, Г. Вайзенворном

Перевод С. Третьякова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пелагея Власова.

Павел Власов, ее сын.

Антон Рыбин |

Андрей Находка } рабочие завода Сухлинова.

Иван Весовщиков |

Маша Халатова, молодая работница.

Полицейский.

Пристав.

Привратник.

Смилгин, старый рабочий.

Карпов, рабочий.

Охранник на фабрике.

Николай Весовщиков, учитель.

Зигорский, безработный.

Тюремный надзиратель.

Егор Лушин, батрак.

Два штрейкбрехера.

Василий Ефимович, мясник.

Жена мясника.

Домовладелица.

Ее племянница.

Бедная женщина.

Чиновник.

Женщина в черном.

Прислуга.

Женщины.

Рабочие и работницы.

I

Власовы всех стран

Комната Пелагеи Власовой в Твери.

Пелагея Власова. Прямо совестно предлагать сыну такой суп. Но не могу я положить в него масла ни пол-ложечки. Ведь на той неделе ему урезали заработок на копейку в час. Как ни старайся - возместить этого не сумею. Знаю, что нужна ему сытная еда по его долгой и трудной работе. Плохо, что единственному сыну не могу я дать супа получше. Он молод, и, пожалуй, ему еще расти надо. Ну до чего он не похож на отца! Сидит уткнувшись в книги, всегда еда ему не по вкусу. А сейчас суп стал еще плоше. Значит, будет он еще недовольнее. (Переливает суп в судок и относит его сыну. Вернувшись в кухню, она видит, как сын, не отрываясь от книжки, поднимает крышку судка и нюхает суп, а затем снова накрывает и отодвигает от себя.) Смотрите пожалуйста, опять нюхает суп! Но откуда же я возьму лучше? Скоро он заметит, что я ему обуза, а не подмога. С какой стати кормлюсь я около него, живу в его комнате и одеваюсь на его заработок? Еще возьмет да уйдет. Что делать мне, Пелагее Власовой, вдове рабочего и матери рабочего? Трижды оборачиваю я каждую копейку. И так прикину и этак. Выгадываю то на дровах, то на одежде. Ничего не помогает. Не вижу я выхода.

Сын, Павел Власов, взял шапку и судок и ушел.

Хор революционеров-рабочих (поет, обращаясь к Власовой).

Чисть пиджак,

Чисть его дважды!

Если ты его отчистишь,

Станет он опрятным тряпьем.

Прилежно вари,

Не бойся работы!
Не хватит монет
Станет водою суп.
Больше работай, больше.
Береги грош заботливей.
Точнее считай, точнее!
Если не хватит монет
Ничего не поможет.
Но как бы ни билась
Хватать не будет.
Плохи дела
И будут хуже.
Дальше нельзя так.
Но выход! Где выход?
Как ворона, которой трудно
Накормить птенцов зимою,
Сбитая снежной метелью,
Выхода не видит и плачет,
Ты тоже не видишь исхода
И плачешь.
Как бы ни билась
Хватать не будет.
Плохи дела,
И будут хуже.
Дальше нельзя так.
Но выход! Где выход?

Бесплодно трудитесь вы,
Стараясь тщетно
Заменять незаменимое,
Наверстать ненаверстываемое.
Если нет грошей, никакой работы не
хватит.

Не в кухнях решится вопрос о мясе,
Которого не хватает кухням.

Бейтесь не бейтесь
Хватать не будет.

Плохи дела

И будут хуже.

Дальше нельзя так.

Но выход! Где выход?

II

Мать с горечью видит сына в обществе революционеров-рабочих.

Комната Пелагеи Власовой.

Раннее утро. Трое рабочих и молодая работница приносят гектограф.

Антон Рыбин. Когда ты две недели тому назад вошел в наш кружок, Павел, ты предложил нам работать у тебя, если в том будет особая надобность. Кстати, тут безопаснее всего. Мы у тебя еще никогда не работали.

Павел Власов. Что вы собираетесь делать?

Андрей Находка. Надо срочно отпечатать листовки. Последние урезки зарплаты изрядно возмутили рабочих. Три дня уже мы раздаем летучки на заводе. Сегодня - решающий день. Вечером общая сходка рабочих постановит, позволим ли мы урвать у себя еще копейку или будем бастовать.

Иван Весовщиков. Мы принесли гектограф и бумагу.

Павел. Садитесь. Мать заварит нам чайку.

Идут к столу.

Иван (Андрею). А ты сторожи на улице - не видать ли полиции.

Андрей выходит.

Антон. Где Сидор?

Маша Халатова. Брат не пришел. Вчера вечером, возвращаясь домой, он заметил, что по пятам идет кто-то смахивающий на полицейского. Поэтому сегодня он решил пройти прямо на фабрику.

Павел. Говорите потише. Матери нечего нас слушать. Я ей до сих пор ничего про эти дела не рассказывал. Она не так уж молода и вряд ли сумела бы нам помочь.

Антон. Держи оригинал.

Начинают работать. Один из них толстым платком занавешивает окно.

Мать (в сторону). Не по душе мне, что Павел якшается с этими людьми. Собьют они его столку. Еще втемяшат ему в голову что-нибудь неподобное да втравят во что-нибудь непригожее. Не стану я им готовить никакого чаю. (Подходит к столу.) Павел, я не смогу вам заварить чаю. Его совсем в обрез. Хорошего чаю не выйдет.

Павел. Ну дай нам жиденького, мать.

Мать (вернулась на свое место). Не дам я им чаю, небось тогда заметят, что я им совсем не рада. Вообще чего они тут уселись и шепчутся так, что я ничего расслышать не могу? (Снова подходит к столу.) Павел, нехорошо, если домохозяин заметит, что здесь так рано, в пять часов, собираются люди и что-то печатают! Ведь нам и без того нечем платить за квартиру.

Иван. Поверьте нам, Пелагея Ниловна, что мы ни о чем так не беспокоимся, как именно о вашей квартирной плате. Если вникнуть поглубже, то мы именно об этом и хлопочем. Хотя бы на взгляд казалось иначе.

Мать. Этого я не знаю. (Возвращается на свое место.)

Антон. Твоя мать не слишком довольна, что мы здесь.

Иван. Ей трудно понять, что мы затем и возимся здесь, чтобы она могла купить чаю и заплатить за квартиру.

Мать. Экие толстокожие! Все слова что горох об стену. Что они делают с Павлом? Попал он на фабрику и был радехонек, что получил место. Зарабатывал, правда, маловато, а в последний год и того меньше. Если у него еще урвут копейку, лучше мне совсем перестать есть. Ах, как беспокоит меня, когда он сидит над книжками и вечером, вместо того чтоб отдохнуть, бегает по собраниям, где людей только натравливают друг на друга! Этак нетрудно в два счета потерять место.

Маша (поет Власовой "Песню об исходе").

ПЕСНЯ ОБ ИСХОДЕ

Если пищи ты лишен,
То кто тебе поможет?
Надо вывернуть страну,
Взять в руки вожжи,
Тогда придет к тебе обед,
Ты будешь гостем сам себе.
Коль для тебя работы нет,
Вставай - пора настала:
Пора перетряхнуть страну,
Дорваться до штурвала.
Так ты станешь, себе пособия,
Работодателем сам для себя.
Кто там глумится над тобой,
Будто ты чахлый и дряблый?
Не жди. Скликай слабых на бой,
Своди голодных в отряды.
Посмей тогда раздаться смех!
Вы будете сильнее всех!
Андрей (вбегает). Полиция!
Иван. Прячьте бумаги!
Андрей, взяв из рук Павла гектограф, вывешивает его за окно.
Антон садится на бумаги.

Мать. Вот видишь, Павел! Дождались полиции. Павел, что ты делаешь? Что в этих бумагах?

Маша (ведет ее к окну и усаживает на диван). Сидите спокойно, матушка!

Входят полицейский и пристав.

Полицейский. Ни с места! Кто двинется - будет застрелен! Вот это мать его, ваше благородие, а это он самый!

Пристав. Павел Власов, я должен произвести у тебя обыск. Что за паскудное сборище здесь у тебя?

Полицейский. Тут и сестра Сидора Халатова, арестованного сегодня утром. Не иначе как те, кого ищем.

Маша. Что с моим братом?

Пристав. Брат вам кланяется. Он сейчас у нас. Он агитирует наших клопов с огромным успехом. Но, увы, ему не хватает прокламаций.

Рабочие переглядываются.

Пристав. Парочка камер рядом с ним еще свободна. Кстати, не найдется ли у вас прокламаций? Очень жаль, голубушка Власова, что именно на вашей квартире придется поискать прокламации. (Идет к дивану.) Вот видите, придется мне ваш диван вспороть. Только этого вам не хватало, правда? (Вспарывает обивку.)

Павел. Как видите, никаких кредиток в нем не запрято. А почему? Потому что мы - рабочие и зарабатываем слишком мало.

Пристав. А стенное зеркало! Неужели ему надо разбиться вдребезги под жестокой рукой полицейского? (Расшибает его.) Вы - благонадежная женщина, я это знаю. И верно - в диване не оказалось ничего неблагонадежного. Ну а что с комодом, добрым старым комодом? (Опрокидывает его.) Смотри пожалуйста, ничегошеньки нету. Власова, Власова! Честные люди не хитрят. Неужто вы стали бы хитрить? А вот масленка с ложечкой, трогательный горшочек. (Снимает его с полки и роняет.) Вот он упал у меня на пол, и видно, что в нем одно только масло.

Павел. Да и того немного. В нем маловато масла, господин пристав. Вот и в ящике маловато хлеба, а в банке мало чаю.

Пристав (полицейскому). Горшок, значит, все-таки не без политики. Власова, Власова! На старости лет приходится вам иметь дело с такими кровожадными ищейками, как мы. Только этого вам не хватало. До чего ж чисто выстираны занавески! Просто загляденье. (Срывает их.)

Иван (Антону, который вскочил, встревоженный судьбой гектографа). Сиди! Пули захотел?!

Павел (громко, чтоб отвлечь внимание пристава). А зачем нужно было масленку швырять на пол?

Андрей (полицейскому). Подыми горшок!

Полицейский. Да это Андрей Находка, тот самый малоросс!

Пристав (подойдя к столу). Андрей Максимович Находка, ты уже сидел по политическому делу?

Андрей. Да, в Ростове и Саратове, но только там полицейские говорили мне "вы".

Пристав (вытаскивает из своего кармана прокламацию). А не известно ли вам, кто те мерзавцы, которые разбрасывают на фабрике преступные воззвания, а?

Павел. Мы мерзавцев первый раз видим.

Пристав. Смотри, Павел Власов, подожмешь хвост. Сиди смирно, когда я с тобой говорю!

Мать. Вы не кричите! Вы еще молодой человек, вы горя не знаете. Вы чиновник. Вы исправно получаете большие деньги за то, что вспарываете диваны и проверяете, есть ли в масленках масло.

Пристав. Побереги слезы, Власова: пригодятся еще. Лучше пригляди за сыном, он пошел по скверной дорожке. (Рабочим.) Зря хитрите. Все равно попадетесь.

Полицейский и пристав уходят. Рабочие приводят комнату в порядок.

Антон. Пелагея Ниловна, простите нас. Мы ведь не думали, что за нами уже следят. И вот квартире вашей пришлось плохо.

Маша. Вы очень напугались, Пелагея Ниловна?

Мать. Да, я вижу, Павел на скверной дорожке.

Маша. Так, по-вашему, это правильно, что вашу квартиру разгромили, оттого что ваш сын борется за свою копейку?

Мать. Они неправильно делают, но и он неправ.

Иван (вновь у стола). Как с раздачей листовок?

Антон. Если мы сегодня не будем раздавать их, потому что полиция зашевелилась, значит, мы просто брехуны. Листовки должны быть розданы.

Андрей. Сколько их?

Павел. Около полутысячи.

Иван. Кто будет раздавать?

Антон. Сегодня очередь Павла.

Мать (знаком подзывает к себе Ивана). Кто будет раздавать листки?

Иван. Павел. Это необходимо.

Маша. Необходимо! Сперва приучаются читать книжки и поздно приходиться домой. Потом начинается работа на таких вот машинках, которые нужно вывешивать за окно, а окно нужно завешивать платком. А потом шепчутся между собой. Необходимо!.. Потом полиция

вламывается в дом, и с тобой разговаривают словно с преступницей. (Встает.) Павел, я запрещаю тебе раздавать эти листки!

Андрей. Это необходимо, Пелагея Ниловна!

Павел (Маше). Растолкуй ей, что прокламации надо раздать из-за Сидора, чтобы отвести от него подозрение.

Рабочие подходят к Пелагее Власовой. Павел остается сидеть у стола.

Маша. Пелагея Ниловна! Это нужно и ради моего брата.

Иван. Иначе ему грозит Сибирь.

Андрей. Не раздать листовки сегодня - это значит подтвердить, что вчера их раздавал Сидор. Вот почему необходимо раздать их и сегодня.

Мать. Понимаю, что необходимо. Знаю - это надо сделать, чтобы не погиб тот парень, которого вы в это дело втянули. А что будет с Павлом, если его арестуют?

Андрей. Это не так уж опасно.

Мать. Вот как? Не так уж опасно. Человека сбили с толку, и он попал в беду. Чтоб его спасти, нужно то да се. Это не опасно, но необходимо. За нами следят, но мы должны раздать листки. Это необходимо, а стало быть - не опасно. Дальше - больше. И в конце концов человек стоит под виселицей: суй голову в петлю, - это не так уж опасно. Давайте сюда листки! Я пойду и раздам их, а не Павел.

Антон. Как же вы это сделаете?

Мать. Будьте покойны. Управлюсь не хуже вашего. Я знаю Марью Корсунову, она торгует в обеденный перерыв всякой едой на фабрике. Нынче я пойду торговать вместо нее и в ваши листки буду завертывать товар. (Достает свою сумку.)

Маша. Павел, твоя матушка вызвалась раздавать листки.

Павел. Обсудите сами, что тут за и что - против. Но меня, прошу, не заставляйте высказывать свое мнение.

Антон. Андрей?

Андрей. Я думаю, ей это удастся. Рабочие ее знают, и в полиции против нее подозрений нет.

Антон. Иван?

Иван. И я так думаю.

Антон. Даже если ее поймают, что ей могут сделать? В организации она не состоит. Пошла на это только ради сына. (Павлу.) Товарищ Власов, ввиду чрезвычайных обстоятельств и серьезной угрозы, нависшей над товарищем Сидором, мы решаем принять предложение твоей матери.

Иван. Мы убеждены, что опасность ей будет грозить меньше; чем кому бы то ни было.

Павел. Я согласен.

Мать (про себя). Чую, что помогаю я им в очень дурном деле, но я должна вызволить из него Павла.

Антон. Пелагея Ниловна, значит, разрешите передать вам эту пачку листовок.

Андрей. Теперь, выходит, вы будете бороться за нас, Пелагея Ниловна.

Мать. Бороться? Ну знаете - годы мои не те, и борьбой заниматься мне не пристало. Хватит с меня борьбы, когда надо наскрести три копейки на хлеб.

Андрей. А знаете ли вы, Пелагея Ниловна, что написано в листовках?

Мать. Нет, я неграмотная.

III

Болотная копейка

Фабричный двор.

Мать (с большой корзиной перед воротами фабрики). Теперь все зависит от того, что за человек привратник: дотошный он или лентяй. Надо дело провести так, чтоб он выдал мне пропуск. В листовки я оберну еду. А поймают меня скажу: мне их подсунули. Читать-то я ведь не умею. (Наблюдает за привратником.) Толстый, ленивый. Посмотрим, что он скажет, если ему предложить огурец. Он небось обжора, а есть ему нечего. (Идет к воротам и роняет сверток перед привратником.) Ах ты, батюшки, сверточек-то упал!

Привратник глядит в сторону.

Мать. Вот смехота! И в голову не пришло - поставить корзину наземь, вот обе руки и свободны! А ведь я чуть было не побеспокоила вас. (Публике.) Вот толстолобый-то! Этому нагородить чепухи, так он все сделает, лишь бы его не тревожили. (Идет к входу, тараторя.) Ну что ты с ней поделаешь, с этой Марьей Корсуновой? Говорила я ей еще позавчера: делай что хочешь, только ног не промочи! Думаете, послушалась? Как бы не так! Стала рыть картошку и промочила ноги! Вчерашний день пошла кормить козу. Опять промочила ноги! Ну что вы скажете? Натурально - пластом лежит. Думаете, отлежалась? Ничуть! Вечером опять вылезла. А на дворе дождь. Ну и опять промочила ноги!

Привратник. Сюда без пропуска нельзя.

Мать. Говорила я ей - и как об стену горох. Знаете, нас с ней водой не разольешь, но такой упрямцы свет не видал. "Ниловна, говорит, расхворалась я, сходи-ка на фабрику, поторгуй за меня". Вот видишь, Марья, отвечаю я, ты и охрипла. А почему охрипла? А она мне на это - да уж и голоса-то нет, каркает, как ворона: "Ежели ты, говорит, еще раз, говорит, меня попрекнешь, говорит, что ноги промочила, я, говорит, о твою дубовую башку, говорит, вот эту чашку расколочу, говорит". Экое ведь упрямство!

Привратник, вздыхая, пропускает ее.

Иду, иду, простите, что задержала вас своей болтовней.

Обеденный перерыв. Рабочие сидят на ящиках, льют и едят. Мать предлагает свой товар. Иван Весовщиков помогает ей завертывать покупки.

Мать. Огурцы! Табак! Чай! Горячие пирожки!

Иван. А обертка - первый сорт.

Мать. Огурцы! Табак! Чай! Горячие пирожки!

Иван. А обертка в придачу.

Первый рабочий. Огурцы есть?

Мать. Вот огурцы.

Иван. А обертку не выбрасывай.

Мать. Огурцы! Табак! Чай! Горячие пирожки!

Первый рабочий. Скажи-ка, что там интересного написано? Я неграмотный.

Второй рабочий. Почему я знаю, что на твоей обертке написано?

Первый рабочий. Да у тебя, парень, такая же точно.

Второй рабочий. Верно. Тут что-то написано.

Первый рабочий. А ну?

Смилгин (пожилой рабочий). Я против, чтобы раздавали такие прокламации, пока идут переговоры.

Второй рабочий. Нет, они правы. Нас обработают как миленьких, если мы пойдем на переговоры.

Мать. Огурцы! Табак! Чай! Горячие пирожки!

Третий рабочий. Смотри пожалуйста! И полицию на ноги подняли, и контроль на фабрике усилили, а листовки опять проскочили. Это, видать, стоящие ребята. Их не остановишь. И требуют они резонно.

Первый рабочий. За себя скажу: я тоже с ними согласен.

Павел. Ну наконец-то Карпов идет.

Рабочий Карпов. Все делегаты в сборе?

В углу двора собираются делегаты рабочих, среди них: Смилгин, Антон и Павел.

Ну вели мы, значит, переговоры!

Антон. До чего договорились?

Карпов. И возвращаемся к вам не с пустыми руками.

Антон. Копейку отвоевали?

Карпов. Мы указали господину Сухлинову, что копейка, на которую урежут часовой заработок восьмисот рабочих, - это двадцать четыре тысячи рублей в год. Эти двадцать четыре тысячи рублей метили в карман к господину Сухлинову. Допустить этого нельзя было ни в коем случае. Вот-с, четыре часа сражались и добились своего. Эти двадцать четыре тысячи не уплывут в карман господина Сухлинова.

Антон. Значит, копейку отвоевали?

Карпов. Мы же всегда подчеркивали, что санитарные условия на фабрике невыносимы.

Павел. Копейку-то отвоевали?

Карпов. Болото у восточных ворот фабрики - вот главное зло.

Антон. Вот как! Значит, болотом хотите отделаться?

Карпов. Подумайте о тучах комаров, которые летом не дают нам выйти на свежий воздух, Подумайте, сколько заболеваний гнилой лихорадкой. Здоровье наших детей под угрозой. Товарищи! За двадцать четыре тысячи рублей можно болото осушить. На это господин Сухлинов идет. А на осушенном участке земли начнутся работы по расширению фабрики. Значит, прибавится рабочих мест. Вы же знаете: когда фабрике хорошо, то и вам хорошо. А с нашей фабрикой, друзья, далеко не так благополучно, как кажется. Не скроем от вас - нам сообщил Сухлинов: одно отделение фабрики закрывается, семьсот рабочих с завтрашнего утра будут на улице. Из двух зол мы выбираем меньшее. Каждый, отдающий себе отчет в окружающем, не может не видеть, что мы стоим перед одним из крупнейших экономических кризисов, когда-либо потрясавших страну.

Антон. Значит, капитализм болен, а ты ему врач. Ты, значит, за сокращение заработной платы?

Карпов. Мы не нашли другого выхода.

Антон. Тогда мы требуем, чтобы были прерваны переговоры с хозяевами. Приостановить снижение вы все равно не можете. А болотную копейку - мы отвергаем.

Карпов. Не советовал бы прерывать переговоры с хозяевами.

Смилгин. А вы понимаете, что это - стачка?

Антон. По-нашему, только стачка может спасти копейку.

Иван. Вопрос, который мы поставим на сегодняшнем собрании, ясен: либо осушить

болото господина Сухлинова, либо отстоять свою копейку. Мы должны бастовать и сделать так, чтоб к Первому мая - а оно будет через неделю забастовали и другие заводы, на которых урезают рабочую плату.

Карпов. Не советую!

Гудок. Рабочие встают, чтобы идти на фабрику. Оглядываясь на Карпова и Смильгина, они поют "Песню о пиджаке и о заплатке".

ПЕСНЯ О ПИДЖАКЕ И О ЗАПЛАТКЕ

1

Каждый раз, когда пиджак у нас порвется,

Прибегаете вы с криком: "Что за ужас!

Всеми средствами помочь необходимо!"

И к хозяевам бежите вы поспешно...

Мы стоим и ожидаем на морозе.

И назад вы возвращаетесь ликуя

Показать, что вы для нас отвоевали:

Маленькую заплатку!

Ладно, это - заплатка,

Но где же целый пиджак?

2

Каждый раз, когда от голоду мы стонем,

Прибегаете вы с криком: "Что за ужас!

Всеми средствами помочь необходимо!"

И к хозяевам бежите вы поспешно...

Мы стоим и ожидаем, стиснув зубы.

И назад вы возвращаетесь ликуя

Показать, что вы для нас отвоевали:

Маленький ломтик хлеба!

Ладно, это - ломтик,

Но где же весь каравай?

З

Нам мало одной заплатки,

Нам нужен целый пиджак.

Нам мало ломтика хлеба,

Нам нужен весь каравай.

Не только рабочее место,

Нам нужен целый завод,

И уголь, и руда,

И власть в государстве.

Да, вот что нам нужно.

А что предлагаете вы?

Рабочие все, кроме Карпова и Смилгина, уходят.

Карпов. Значит, стачка. (Уходит.)

Мать возвращается к воротам, садится и пересчитывает выручку.

Смилгин (в руках у него прокламация). Так это вы их раздаете? А вам ведомо, что эти листки означают забастовку?

Мать. Как так - забастовку?

Смилгин. Эти прокламации призывают здешних рабочих бастовать.

Мать. Это не моего ума дело.

Смилгин. Зачем же вы их раздаете?

Мать. Это наше дело. А зачем наших сажают в кутузку?

Смилгин. Но вы-то хоть знаете, что здесь написано?

Мать. Нет, я неграмотная.

Смилгин. Вот так и подстрекают наших людей. Стачка - совсем дрянное дело. Завтра утром они не выйдут на работу. А что будет завтра вечером? А через неделю? Хозяевам-то все равно, будем мы работать или нет. А для нас это вопрос жизни и смерти.

Вбегают фабричный охранник и привратник.

Вы что-нибудь ищете, Антон Антонович?

Привратник. Опять раздают прокламации с призывом к забастовке. Ума не приложу, как они сюда попали. А это что?

Смилгин пытается спрятать листовку в карман.

Охранник. Что это ты прячешь в карман? (Выхватывает листовку.) Прокламация!

Привратник. Ты что это, Смилгин, прокламации читаешь?

Смилгин. Друг мой, Антон Антонович, - думается мне, читать мы можем все что хотим.

Охранник. Ты так думаешь? (Хватает его за шиворот и тащит за собой.) Вот я тебе покажу, как читать листовки, призывающие к стачке!

Смилгин. Я против забастовки. Можете спросить Карпова.

Охранник. Тогда скажи, откуда у тебя листовки.

Смилгин (помолчав). С земли подобрал.

Охранник (бьет его). Я тебе покажу листовки!

Охранник, привратник и Смилгин уходят.

Мать. Ну что он такого сделал? Купил один огурец!

IV

Мать получает первый урок экономики

Комната Пелагеи Власовой.

Мать. Павел, по вашему поручению я раздавала сегодня листки, чтоб отвести подозрение от парня, которого вы втянули в вашу затею. А кончив раздавать, увидала я своими глазами, как арестовали еще одного человека - ни за что ни про что, только за то, что он читал эти листки. Что вы заставили меня делать?

Антон. Большое спасибо вам, Пелагея Ниловна, за вашу умелую работу.

Мать. По-вашему, это умение? А что будет со Смилгиным, которого я своим умением посадила в тюрьму?

Андрей. Вы не сажали его в тюрьму. Насколько нам известно, в тюрьму его посадила полиция.

Иван. Его уже отпустили. Пришлось признать, что он из числа немногих, голосовавших против стачки. Но теперь он уже - за. Вы хорошо поработали, Пелагея Ниловна, чтоб

сплотить сухлиновских рабочих. Вы, наверно, слышали стачка объявлена почти единогласно.

Мать. Я вовсе не собиралась устраивать стачку. Я просто хотела помочь человеку. Почему людей сажают за то, что они читают эти листки? Что там написано?

Маша. Тем, что вы их раздавали, вы помогли правому делу.

Мать. Что там написано?

Павел. А ты как думаешь?

Мать. Что-нибудь нехорошее.

Антон. Ясно, Пелагея Ниловна, - пора дать вам отчет.

Павел. Подсядь-ка, мать, мы тебе растолкуем.

Они накрывают диван платком, Иван вешает на стену новое зеркало, Маша ставит на стол новый горшочек с маслом. Потом, взяв стулья, усаживаются вокруг

матери.

Иван. В листовке, видите ли, написано: нечего рабочим терпеть, чтоб господин Сухлинов по своей воле сокращал заработную плату.

Мать. Пустяки какие! Что вы с ним поделаете? Почему бы господину Сухлинову не урезать по своей воле заработную плату? Чья фабрика-то - его или ваша?

Павел. Его.

Мать. Ну вот! Этот стол, к примеру, мой. Могу я с ним делать что мне вздумается?

Андрей. Да, Пелагея Ниловна, с этим столом вы можете делать что вам заблагорассудится.

Мать. Так. А могу я его попросту расколотить?

Антон. Да. Этот стол вы расколотить можете.

Мать. То-то же!.. Значит, и господин Сухлинов может делать что хочет со своей фабрикой, потому что она его так же, как этот стол мой.

Павел. Нет.

Мать. Почему - нет?

Павел. Потому что для фабрики ему нужны мы, рабочие.

Мать. А если он скажет: не нужны вы мне сейчас?

Иван. Видите ли, тут вы должны смекнуть вот что: он может в нас нуждаться, а может и не нуждаться.

Антон. Правильно.

Иван. Когда мы ему нужны, мы - тут. Но когда мы ему не нужны, мы тоже тут. Куда же мы денемся? И он это знает. Он в нас нуждается не всегда, но мы-то в нем всегда нуждаемся. На это он и рассчитывает. Вот стоят сухлиновские машины. Но ведь они же - наш рабочий инструмент. Никакого другого у нас нет. Ни ткацкого станка, ни токарного у нас нет; мы пользуемся сухлиновскими машинами. Пусть фабрика принадлежит ему, но, закрывая ее, он отбирает у нас тем самым наш рабочий инструмент.

Мать. Потому что инструмент принадлежит ему, как мне - мой стол.

Антон. Да. Но, по-вашему, правильно, что наш инструмент принадлежит ему?

Мать (громко). Нет! Но, правильно это, по-моему, или нет, - инструмент все равно принадлежит ему. Может, кому-нибудь покажется неправильным, что стол мой принадлежит мне.

Андрей. Стой! Есть разница между собственным столом и собственной фабрикой.

Маша. Стол, само собой разумеется, может вам принадлежать. И стул тоже. Никому от этого беды нет. Если вы его поставите на чердак - кому какое дело. Но если вам принадлежит фабрика, то можно навредить сотням людей.

Иван. Потому что в ваших руках весь их рабочий инструмент, и, значит, вы можете этим пользоваться.

Мать. Понятно. Этим он может пользоваться. Вы что думаете - за сорок лет я этого не заметила? Но вот чего я не заметила: будто против этого можно что-нибудь поделать.

Антон. Значит, насчет собственности господина Сухлинова мы дотолковались. Фабрика - собственность иного сорта, чем ваш стол. И Сухлинов может этой собственностью пользоваться так, чтоб обирать нас.

Иван. Есть еще кое-что примечательное в его собственности: ни к чему она, если он не станет с ее помощью нас эксплуатировать. Она ему дорога лишь до тех пор, пока это наш рабочий инструмент. Как только она перестанет быть нашим орудием производства, она обратится в кучу железного лома. Значит, эта его собственность нуждается в нас.

Мать. Ладно. А как вы ему докажете, что он в вас нуждается?

Андрей. Видите ли. Если Павел Власов придет к хозяину и скажет: "Господин Сухлинов, без меня ваша фабрика - только куча железного лома, а потому не смейте самоуправно урезать мне плату", - Сухлинов только расхохочется и вышвырнет его вон. Но ежели все Власовы города Твери, восемьсот Власовых, явятся перед ним и скажут это - тогда, пожалуй, господину Сухлинову будет не до смеха.

Мать. Это и будет ваша забастовка?

Павел. Да, это и будет наша забастовка.

Мать. Это и было написано в листовке?

Павел. Это и было написано в листовке.

Мать. Ничего нет хорошего в забастовке. Что я буду стряпать? Как расплатиться за квартиру? Завтра утром вы не выйдете на работу, а что будет завтра вечером? А через неделю? Положим даже, что мы как-нибудь из этого выпутаемся. Но объясните: если в листовках было написано только про стачку, почему же полиция хватала людей? Какое полиции до этого дело?

Павел. Правильно, мать. Мы тоже спрашиваем: какое полиции до этого дело?

Мать. Стачка у Сухлинова - наше дело, это полиции не касается. Вы, видно, тут чего-то напутали. Тут что-то не так. Должно быть, думают, что вы хотите взять силой. Вам бы показать всему городу, что спор с хозяевами у вас мирный и правильный. Это все могут понять.

Иван. Это-то мы и хотим сделать, Пелагея Ниловна. Первого мая, в международный день рабочей борьбы, когда все тверские заводы выйдут на демонстрацию за освобождение рабочего класса, мы понесем плакаты, которые будут требовать от всех тверских рабочих, чтобы они поддержали борьбу за нашу копейку.

Мать. Если вы тихо пройдете по улицам с плакатами, никто не может вас тронуть.

Андрей. А мы думаем, что господин Сухлинов этого не допустит.

Мать. Ничего. Придется допустить.

Иван. Полиция, вероятно, разгонит демонстрацию.

Мать. Почему это полиции так понравился Сухлинов? Все же мы ходим под полицией - и вы и сам Сухлинов.

Павел. Так ты, мать, думаешь, что против мирной демонстрации полиция ничего не предпримет?

Мать. Да, я так думаю. Тут же никакого насильничества нет. На это, Павел, я никогда не пойду. Ты же знаешь, я в бога верую, и о насильничестве и слышать не хочу. За сорок лет на своих боках узнала я его и никогда против него ничего поделывать не могла. Но пусть за моей душой никакого насильничества не числится, когда буду умирать.

V

Рассказ о Первом мае 1905 года

Улица.

Павел. Проходя через рыночную площадь, мы, рабочие сухлиновских фабрик, столкнулись с многотысячной колонной других заводов. На наших плакатах было написано: "Рабочие, поддерживайте нашу борьбу против сокращения заработной платы! Расширьте фронт борьбы!"

Иван. Мы шли в порядке и спокойно. Мы пели: "Вставай, проклятьем заклеименный" и

"Дружно, товарищи, в ногу". Наша фабрика шла как раз за головным красным знаменем.

Андрей. Рядом со мной шагала Пелагея Власова, вплотную вслед за своим сыном. Когда мы утром за ним зашли, она вдруг вышла из кухни уже одетая и на наш вопрос: куда она? - ответила...

Мать. С вами.

Антон. Много таких, как она, шли с нами. Суровая зима, урезка заработной платы рабочим и наша агитация привели многих в наши ряды. На пути к бульвару Спасителя мы увидели нескольких полицейских, но солдат не было. А вот на углу бульвара и Тверской выстроилась двойная цепь солдат. Как только они увидели наше знамя и плакаты, чей-то голос крикнул: "Берегись! Разойтись немедленно! Стрелять будем!" А вслед за тем: "Убрать знамя". Наша колонна замедлила шаг.

Павел. Но задние ряды напирали. Передние остановиться не смогли. Раздались выстрелы. Когда несколько человек упали, началась паника. Многие не верили глазам своим, не могли понять, что это действительно случилось. Потом солдаты двинулись на толпу.

Мать. Я пошла с ними, чтоб участвовать в демонстрации за рабочее дело. Ведь шли-то сплошь хорошие люди, которые всю свою жизнь работали. Правда, между ними были и отчаявшиеся, которых безработица довела до крайности, были и голодные, слишком слабые, чтобы дать отпор.

Андрей. Мы стояли близко к передним рядам и во время обстрела не разбежались.

Павел. С нами было и знамя. Смилгин нес его. Мы и не думали его бросать. Потому что тут мы сообразили, даже не сговариваясь друг с другом, как важно, чтобы солдаты напали именно на нас и отняли именно наше знамя, красное. Мы хотели показать всем рабочим, кто мы такие и за что мы стоим. За рабочее дело.

Андрей. Наши враги вели себя, как дикие звери. За это их и содержат всякие Сухлиновы.

Маша. Наконец-то все бы это заметили. А потому наше знамя, красное знамя, надо было держать как можно выше, чтоб оно было видно не одним только солдатам, но и всем остальным.

Иван. А кто не увидел, тем бы про него рассказывали еще нынче, или завтра, и не один год, вплоть до того дня, когда они его наконец увидят воочию. Нам верилось, и многим было ясно в ту минуту, что знамя наше будет зримо отныне и вплоть до полной переделки мира, которая идет на всех парах: наше знамя, самое грозное для всех эксплуататоров, для всех господ, самое беспощадное!

Антон. А для нас, рабочих, - последнее и решительное!

Все.

Вот почему всегда

Радостно или злобно,

Будете вы его видеть

Судя по вашему месту в этой борьбе,

Которая кончится не иначе

Как нашею полной победой

Во всех странах и всех городах,

Где рабочие есть.

Мать. Но в тот день знамя нес рабочий Смилгин.

Смилгин. Мое имя - Смилгин. Двадцать лет я участвовал в рабочем движении. Я был одним из первых, развернувших на заводе революционную пропаганду. Мы бились за лучшую оплату и лучшие условия труда. Защищая интересы товарищей, я часто вел переговоры с хозяевами. Сначала я держался враждебно, но потом, сознаюсь, мне подумалось - не легче ли договориться по-хорошему. Если мы станем сильнее, думалось мне, с нашим мнением будут считаться. То была, наверно, ошибка. И вот я - здесь. За мною многие тысячи, но перед нами все те же насильники. Можем ли мы отдать знамя?

Антон, Не отдавай его! Переговоры "и к чему не приведут, - сказали мы. И Пелагея Власова сказала ему... Мать. Не отдавай, не отдавай - тебе за это ничего не будет. Что может полиция иметь против мирной демонстрации?

Маша. И тут пристав крикнул: "Подать сюда знамя!"

Иван. А Смилгин обернулся и увидел за знаменем каши плакаты, а на плакатах наши лозунги. А за плакатами стояли стачечники с сухлиновской фабрики. И мы смотрели на него - что станет делать со знаменем этот человек, рядом с нами, один из нас.

Павел. Двадцать лет в рабочем движении, рабочий, революционер, Первого мая тысяча девятьсот пятого года, в одиннадцать часов утра, на углу бульвара Спасителя, в решительную минуту. Он сказал...

Смилгин. Я его не отдам! Переговоров не будет.

Андрей. Так, Смилгин, сказали мы. Вот это правильно. Теперь все в порядке.

Иван. "Да", - ответил он и упал ничком, потому что они его застрелили.

Андрей. Четверо или пятеро их кинулись захватить знамя. Знамя лежало рядом с ним. И наклонилась тогда Пелагея Власова, наш товарищ, спокойная, невозмутимая, и подняла знамя.

Мать. Дай сюда знамя, Смилгин, сказала я. Дай! Я понесу его. Все это еще переменится.

VI

Квартира учителя Весовщикова в Ростове.

А

Иван Весовщиков после ареста Павла приводит мать к своему брату Николаю,
учителю

Иван. Николай Иванович, вот я привел мать нашего друга Павла Власова, Пелагею Ниловну. Он арестован за первомайскую демонстрацию. Поэтому ее выгнали с квартиры, и мы обещали сыну позаботиться о крове для нее. Твоя квартира вне подозрений. Никто не посмеет утверждать, что у тебя может быть связь с революционным движением.

Учитель. Верно. Совершенная правда. Я учитель и потерял бы место, начни я, подобно тебе, заниматься всякими бреднями.

Иван. И все же надеюсь, что ты позволишь остаться здесь Власовой: ведь ей деться некуда. Ты мне по-братски сделаешь большое одолжение.

Учитель. Не вижу оснований делать тебе одолжение. Я строго осуждаю все, что ты делаешь. Все это вздор. Это я тебе не раз доказывал. Но это не касается вас, Власова. Я сочувствую. К тому же мне нужна прислуга Вы видите, какой здесь ужасный беспорядок.

Иван. Ты ей, конечно, будешь платить кое-что за работу. Ей ведь придется время от времени посылать сыну.

Учитель. Разумеется, я смогу платить только очень мало.

Иван (Власовой). В политике он понимает как вот этот стул. Но извергом его назвать нельзя.

Учитель. Ты дурак, Иван! Вот кухня, Власова, в кухне стоит кушетка - на ней вы можете спать. Я вижу, вы захватили свое белье.

Власова с узелком входит в кухню и начинает в ней располагаться.

Иван. Спасибо, Николай Иванович. Присмотри за этой женщиной. Пусть пока будет подальше от политики. Она участвовала в первомайских беспорядках, и теперь ей надо передохнуть. Ее заботит судьба сына. Оставляю ее на твоей совести.

Учитель. Я - не вы. Я втягивать ее в политику не буду.

Б

Учитель Весовщиков застаёт Власову за пропагандой

На кухне вокруг матери сидят соседи.

Женщина. Мы слышали, что коммунизм - это преступление.

Мать. Неправда! Коммунизм - это для нас как раз то, что надо. Что можно сказать против коммунизма? (Поет.)

ХВАЛА КОММУНИЗМУ

Он разумен, он всем понятен. Он так прост.

Ты не кровопийца ведь. Ты его постигнешь.

Он нужен тебе как хлеб, торопись узнать его.

Глупцы зовут его глупым, злодеи зовут его злым,

А он против зла и против глупости.

Обираны кричат о нем: "Преступление!"

А мы знаем:

В нем конец их преступлений.

Он не безумие, но

Конец безумия.

Он не загадка, но

Решенье загадки.

Он то простое,

Что трудно совершить.

Женщина. Почему же это понимают не все рабочие?

Безработный Зигорский. Потому, что им не дают понять, что их обираны, что это преступно и что вполне можно положить этому преступлению конец.

Смолкают - в соседнюю комдату вошел учитель.

Учитель. Усталый, возвращаюсь я из пивной. В голове еще гудит от спора с этим дураком Захаром, который меня обозлил опять: постоянно он мне возражает, хотя я безусловно прав. Я рад покою в своих четырех стенах. Не принять ли мне ножную ванну? И не почитать ли при этом газету?

Мать (входя). Как, вы уже дома, Николай Иванович?

Учитель. Да. И приготовьте мне, пожалуйста, горячую ванну для ног. Я приму ее на кухне.

Мать. Очень хорошо, что вы пришли, Николай Иванович, очень хорошо, потому что сейчас вам придется опять уйти. Только что передала мне соседка, что приятель ваш Захар Смердяков заходил час тому назад. Ничего не велел передать. Ему надо срочно поговорить с вами лично.

Учитель. Пелагея Ниловна, я весь вечер провел с Захаром Смердяковым.

Мать. Вот как! Да, но в кухне неприбрано, Николай Иванович. И белье развешано.

Из кухни доносятся приглушенные голоса.

Учитель. С каких пор мое белье разговаривает, пока сохнет? (Замечает самовар в ее руках.) И с каких пор мои рубашки чаевничают?

Мать. Признаюсь, Николай Иванович, - мы тут немножко разговорились за чашкой чая.

Учитель. Ага! Кто такие?

Мать. Не думаю, чтоб вам с ними было приятно, Николай Иванович. Это люди небогатые.

Учитель. Так, значит, разговор снова о политике! А не здесь ли и безработный Зигорский?

Мать. Да. И с ним жена, и брат его с сыном, и дядя, и тетка. Все очень толковые люди. Думаю, и вы с интересом послушали бы их разговоры.

Учитель. Разве, Власова, я вас не поставил в известность, что никакой политики в своем доме не потерплю? И вот нате вам - прихожу я усталый из пивной и обнаруживаю, что кухня моя полна политики. Я поражен, Власова, крайне поражен.

Мать. Мне очень жаль, Николай Иванович, что пришлось вас разочаровать. Я рассказывала им о Первом мае. Они о нем слишком мало знают.

Учитель. Что вы смыслите в политике, Пелагея Власова? Как раз сегодня вечером я сказал приятелю своему Захару (а он очень умный человек): политика - это самая трудная и самая непонятная вещь на земле.

Мать. Вы, конечно, очень устали, утомились. Но будь у вас немного времени, мы все так думаем, что вы могли бы многое растолковать нам, и особенно насчет первомайских событий, которые очень непонятны.

Учитель. Должен сказать - у меня мало охоты препираться с безработным Зигорским. Попытайся изложить вам основы политики - это максимум, на что я мог бы согласиться. Но вообще-то, Власова, мне очень не нравится, что вы знаете с такими сомнительными людьми. Захватите-ка с собой самовар, немного хлеба да несколько огурцов.

Идут на кухню.

В

Мать учится читать

Учитель (перед классной доской). Значит, вы хотите научиться читать? Не понимаю, на что это вам в вашем положении. Да и кое-кто из вас для учения староват. Но я попытаюсь это сделать. Только ради вас, Власова. Есть у всех у вас чем писать? Ну вот, я пишу три простых слова: "сук", "лог", "сиг". Я повторяю: "сук", "лог", "сиг". (Пишет.)

Мать (с тремя остальными сидит за столом). Скажите, Николай Иванович, почему именно "сук", "лог", "сиг"? Мы ведь старые люди, нам бы поскорее выучиться нужным словам.

Учитель (улыбается). Видите ли, совершенно безразлично, на каких примерах вы учитесь читать.

Мать. Разве? А как, например, пишется слово "рабочий"? Это интересно Павлу Зигорскому.

Зигорский. "Лог" ведь слово, которым не пользуются.

Мать. Он же металлург.

Учитель. Но буквами этого слова пользуются.

Рабочий. Но буквами в словах "борьба классов" - тоже пользуются!

Учитель. Да, но надо начинать с простейшего, а не с трудного. "Лог" это просто.

Зигорский. "Классовая борьба" - много проще.

Учитель. К тому же никакой классовой борьбы не существует. Это прежде всего надо понять.

Зигорский (встает). Если для вас не существует классовой борьбы, мне нечему у вас учиться!

Мать. Тебе надо здесь научиться читать и писать, и ты это сделать можешь. Чтение - это уже классовая борьба!

Учитель. Совершенная чепуха! Что это значит: "Чтение - это классовая борьба"? К чему вообще эта болтовня? (Пишет.) Вот слово - "рабочий". Списывайте!

Мать. Чтение - классовая борьба. А значит это вот что: если бы солдаты в Твери могли прочитать наши плакаты, они, пожалуй, не стали бы в нас стрелять. Ведь там были одни крестьянские парни.

Учитель. Послушайте: я сам учитель. Восемнадцать лет я учу людей читать и писать, но вот что по совести я вам скажу: все это чепуха. И книги чепуха. От них человек только делается хуже. Простой крестьянин уже потому лучше, что его еще не испортила цивилизация.

Мать. Так как же пишут "классовая борьба"? Павел Зигорский, надо крепче нажимать рукой, а то она дрожит, и получится неразборчиво.

Учитель (пишет). "Классовая борьба". (Загорскому.) Надо писать ровно по прямой, а не через край. Кто хватает через край, тот и законы нарушает. Поколения за поколениями громоздили знания на знания и писали книги за книгами. И техника шагнула далеко, как еще никогда не бывало. А что пользы? Путаница тоже стала такая, какой еще не бывало. Надо бы весь этот хлам выкинуть в море где поглубже. В Черное бы море отправить все книги и

машины. Сопровитвляйтесь знанию! Написали? Бывают дни, когда я впадаю в самую черную меланхолию. Тогда я спрашиваю себя: что общего между поистине возвышенными мыслями, которые объемлют не только злободневность, но и вечность, и бесконечность, и общечеловечность, - что общего между ними и классовой борьбой?

Зигорский (бормочет про себя). Такие мысли ни черта не стоят. Ваша меланхолия не мешает вам нас эксплуатировать.

Мать. Потише, Павел Зигорский. Скажите, пожалуйста, как пишется "эксплуатация"?

Учитель. "Эксплуатация"? Это слово тоже только в книгах пишут. Хотел бы я знать, кого это я эксплуатировал в своей жизни?

Зигорский. Это он говорит потому, что ему ничего из добычи не перепадает.

Мать (Загорскому). "А" в "эксплуатации" точь-в-точь такое же, как в "рабочем".

Учитель. Знание бесполезно. Знание не может помочь. Поможет доброта.

Мать. Давай, давай свое знание, если тебе оно не нужно.

Рабочие (поют).

ХВАЛА УЧЕНИЮ

Учись азам. Для тебя,

Чье время настало,

Это не поздно!

Учись азбуке; этого мало, но

Учись ей. Начинай,

Как бы ни было скучно!

Тебе надо все знать!

Время тебе стать у руля.

Учись, ночлежник!

Учись, арестант!

Учись, кухарка!

Учись, шестидесятилетняя!

Время тебе стать у руля.

Школу ищи, беспризорник,

Требуй знания, босой!

Книгу хватай, голодный. Это - оружие.

Время тебе стать у руля.

Не стыдись вопросов, товарищ!

Не давай себя оболванить,

Сам проверяй!

Того, что не сам ты узнал,

Не знаешь ты.

Счет - проверяй.

Платить-то тебе же.

Каждую трату исследуй,

Спроси, откуда она.

Время тебе стать у руля.

Мать (встает). На сегодня довольно. Мы не можем запомнить столько за один присест. А то опять наш Павел Зигорский не будет спать всю ночь. Спасибо вам, Николай Иванович. Позвольте сказать вам: вы нам очень помогаете, уча нас читать и писать.

Учитель. Я этого не думаю. Однако я не хочу сказать, что ваши мнения совсем уж бессмысленны. Я вернусь к этому вопросу на следующем уроке.

Г

Иван Весовщиков не узнает своего брата

Иван. Пелагея Ниловна, ростовские товарищи рассказали мне о вашей работе - и о ваших ошибках тоже. Они поручили мне передать вам это: ваш партийный билет.

Мать. Спасибо. (Берет билет.)

Иван. Павел написал вам?

Мать. Ни строчки. Я очень тревожусь о нем. Хуже всего, что я никогда не знаю, что он делает или что они с ним делают. К примеру, я даже не знаю, ест ли он у них досыта и не зябнет ли он? Дают им там одеяла?

Иван. В Одессе были одеяла.

Мать. Я им очень горжусь. Я счастливая: у меня сын, который нужен людям.

(Декламирует.)

ХВАЛА РЕВОЛЮЦИОНЕРУ

Есть люди - лишние:

Если их нет - лучше.

Но когда он в отсутствии - его не хватает.

Если гнет все сильнее,

Многие падают духом,

Но он стоек и тверд.

Он подымает на борьбу

За гроши зарплаты, за кипяток

И за власть в государстве.

Он спрашивает собственность:

Откуда ты?

Он допрашивает убеждения:

Кому вы на пользу?

Там, где привыкли молчать,

Голос его звучит.

И где царит гнет и люди судьбу винят,

Он назовет имена.

Где он садится за стол,

Там за стол садится недовольство,

Еда становится скверной,

И ясно, что тесна каморка.

Куда его гонят, туда

Приходит мятеж, и там, откуда он изгнан,

Гнев остается.

Учитель (входит). Здравствуй, Иван.

Иван. Здравствуй, Николай.

Учитель. Рад видеть тебя все еще на свободе.

Иван. Вот пришел навестить Пелагею Ниловну. Я принес ей наши газеты.

Учитель берет газеты.

Последние аресты очень вредят нашему делу. Павел, например, и Сидор знают адреса многих крестьян, которые интересуются нашими газетами.

Мать. Понятно, мы уже говорили о том, что надо повсюду беседовать с крестьянами.

Учитель. Ну с этим вам не справиться. Ведь крестьян сто двадцать миллионов. Проверни-ка такую силу. Вообще революция немыслима в этой стране, с этими людьми. Русский никогда не сделает революции. Это задача для Запада. Немцы - вот революционеры, они революцию сделают.

Иван. Из некоторых губерний сообщают, что крестьяне уже разрушают усадьбы и захватывают помещичьи земли. Они отбирают у господ хлеб и другие запасы и раздают голодающим. Крестьяне зашевелились.

Учитель. Ну и что из этого следует? (Матери.) Вы лучше почитали бы, что еще передовые писатели прошлого века писали о психологии русского мужика.

Мать. Почитаю. Я уже сумела прочесть отчет о Третьем съезде партии. Спасибо Николаю Ивановичу. Выучил читать и писать.

Учитель. Это еще одна блажь вашего Ленина: хочет убедить пролетариат, что он может взять на себя руководство революцией. Такие идеи убивают последнюю надежду на осуществление революции. Они же отпугивают от революции прогрессивную буржуазию.

Иван. А вы как думаете, Пелагея Ниловна?

Мать. Руководить очень трудно. Мне и так уж Зигорский, наш брат рабочий, досаждают своим упрямством. А с образованными и вовсе сладу нет.

Учитель. Вы не могли бы писать повеселей в своей газете? Этого же никто не читает.

Мать. А мы ее не для веселья читаем, Николай Иванович.

Ивам смеется.

Учитель. Ты что это?

Иван. Куда ты девал прелестный царский портрет? Комната стала совсем голой без него.

Учитель. Вздумалось вынести на некоторое время. Надоедает, когда он все время перед глазами. Кстати, почему в ваших газетах ничего нет о беспорядках в школах?

Иван. Что-то мне не верится. Не потому же ты перевесил портрет, что он тебе надоел?

Мать. Не скажите! Николай Иванович всегда ищет что-нибудь новое.

Иван. Так... Так.

Учитель. Во всяком случае, мне не нравится, когда со мной разговаривают как с идиотом. Я тебе задал вопрос насчет вашей газеты.

Иван. Не припомню, Николай, чтоб когда-нибудь что-нибудь менялось в твоей квартире. Ведь одна рама стоила двенадцать целковых.

Учитель. Ну что ж, раму можно повесить обратно. Ты всегда считал меня дураком, а это значит, что ты сам дурак.

Иван. Я поражен, Николай. Твои крамолы и презрительное отношение к особе его величества меня удивляют. Уж не стал ли ты агитатором? У тебя такой решительный взгляд. Прямо страшно глядеть на тебя.

Мать. Не злите брата! Он очень разумный человек. Я напомнила ему о Кровавом воскресенье. Очень важно, как он объясняет события, - ведь у него учится столько детей. Кроме того, он и нас самих научил читать и писать.

Иван. Надеюсь, что, уча их читать, ты и сам кое-чему научился.

Учитель. Нет, я ничему не научился. Эти люди разбираются еще слишком слабо в марксизме. Вы не обижайтесь, Власова. Марксизм - сложнейшая штука, которой неопытным мозгам вообще не понять. А самое любопытное, что люди, которым никогда этого и не понять, глотают его, как горячие лепешки. Марксизм как таковой неплох. Много говорит в его пользу, хотя в нем есть большие пробелы, и целый ряд существенных пунктов Маркс трактует совершенно неправильно. Я много мог бы еще сказать на эту тему. Конечно, экономический фактор важен, но не один же экономический фактор важен. Он важен между прочим. Социология? А я, например, ожидаю не меньшего от биологии. Я спрашиваю: где общечеловеческое в этом учении? Человек всегда останется самим собой.

Мать (Ивану). А он-то, пожалуй, уже изрядно переменялся, а?

Иван прощается.

Иван. Товарищ Власова, я просто не узнаю своего брата.

VII

Пелагея Власова посещает сына в тюрьме.

Тюрьма.

Мать. Надзиратель будет очень настороже, но все же мне надо узнать адреса крестьян, интересующихся нашей газетой. Надеюсь, я удержу эту уйму имен в памяти.

Надзиратель приводит Павла. Павел!

Павел. Как поживаешь, мама?

Надзиратель. Сядьте так, чтобы между вами остался промежуток. Вот сюда и туда. Политических разговоров - никаких.

Павел. Ну что же, поговорим о домашних делах, мама!

Мать. Ладно, Павел.

Павел. Где ты приткнулась?

Мать. У учителя Весовщикова.

Павел. Заботятся там о тебе?

Мать. Да. А тебе как живется?

Павел. Я все беспокоился, смогут ли они тебе помочь как следует.

Мать. Борода у тебя сильно отросла.

Павел. Да. Небось я выгляжу теперь постарше.

Мать. Я была на похоронах Смилгина. Опять полиция избивала. А кое-кого и забрали. Мы все там были.

Надзиратель. Это политика, Власова!

Мать. Вот как? Скажи пожалуйста, прямо не знаешь, о чем заговорить!

Надзиратель. Если так, то нечего сюда и приходить. Вам не о чем сказать, но вы лезете сюда и только мешаете нам. А отвечать кому? Мне?

Павел. Помогаешь по хозяйству?

Мать. Помогаю. Мы с Весовщиковым собираемся на той неделе в деревню.

Павел. С учителем?

Мать. Нет.

Павел. Проветриться вздумали?

Мать. Да, и проветриться. (Тихо.) Нам нужны адреса. (Громко.) Ах, Павел, как нам всем тебя не хватает!

Павел (тихо). Адреса я проглотил при аресте. Запомнил только парочку.

Мать. Ах, Павел, никогда я не думала, что так жить придется на старости лет.

Павел (тихо). Лунгин в Пирогове.

Мать (тихо). А в Крапивне? (Громко.) Горе мне с тобой, право!

Павел (тихо). Сулиновский.

Мать. Все молюсь за тебя. (Тихо.) Сулиновский в Крапивне. (Громко.) А вечера коротаю одна-одинешенька.

Павел (тихо). Терехов в Дубравне.

Мать. А учитель уже жалуется на беспокойство.

Павел (тихо). У них узнаете остальные.

Надзиратель. Время свидания истекло.

Мать. Еще минутку, господин хороший! Я совсем сбилась. Ах, Павел! Нам, старикам, остается только забиться в щель, с глаз долой; какая от нас польза? (Тихо.) Лушин в Пирогове. (Громко.) Нам дают понять, что наше время кончилось. Нам впереди ждать нечего. Что знали мы, то прошло. (Тихо.) Сулиновский в Дубравне.

Павел отрицательно качает головой.

Сулиновский в Крапивне. (Громко.) А опыт наш - на что годится? Наши советы приносят один вред - ведь между нами и детьми непроходимая пропасть. (Тихо.) Терехов в Дубравне. (Громко.) Нам идти в одну сторону, а вам в другую. (Тихо.) Терехов в Дубравне. (Громко.) Ничего общего у нас нет. Ваше время наступает!

Надзиратель. А время свидания кончилось.

Павел (кланяется матери). Прощай, мать.

Мать (тоже кланяется). Прощай, Павел.

ПЕСНЯ

(исполняется актером, играющим Павла)

У них законы и уставы,

У них тюрьмы и крепости

(Не считая приютов и богаделен),

У них тюремщики и судьи,

Им платят вдосталь, они на все готовы.

А что толку?

Неужели они верят, что могут сломить нас?

Прежде чем исчезнуть
А этого ждать недолго,
Поймут они, что все это
Им уже ни к чему.
У них типографии и газеты,
Чтоб нас побеждать и лишать языка
(Не считая чиновников армию),
У них попы и ученые.
Им платят вдосталь, они на все готовы.
А что толку?
Разве так уж страшна для них правда?

Прежде чем исчезнуть
А этого ждать недолго,
Поймут они, что все это
Им уже ни к чему.
У них пушки и танки,
Гранаты и пулеметы
(Не считая дубинок).
У них полицейские, солдаты,
Им платят мало, они на все готовы.
А что толку?
Разве так могучи враги их?
Они верят - еще не поздно,
От гибели можно спастись.
Но день настанет
А ждать его недолго,

Поймут они, что все это

Им уже ни к чему.

И пусть кричат во весь голос "стой!"

Не помогут ни деньги, ни пушки!

VIII

Летом 1905 года по стране прокатилась волна крестьянских беспорядков и стачек батраков

А

Дорога.

Мать, идущую вместе с двумя рабочими, встречают камнями. Спутники ее обращаются в бегство.

Мать (с шишкой на лбу, к преследователям). Почему вы швыряете в нас камнями?

Егор. Потому что вы штрейкбрехеры.

Мать. Вот как? Мы штрейкбрехеры? Потому мы так спешим? Где стачка-то?

Егор. В смирновском поместье.

Мать. А вы забастовщики? Это я вижу по моей шишке. Но я не штрейкбрехер вовсе. Я из Ростова, в гости к батраку. Его зовут Егор Лушин.

Егор. Лушин - это я.

Мать. Я - Пелагея Власова.

Егор. Это тебя во всей округе зовут "мать"?

Мать. Да. Со мной газеты для вас. Не знали мы, что вы бастуете, но я вижу, что борьбу вы ведете не на шутку. (Отдает Лушину газеты.)

Егор. Прости, что мы тебе набили шишку. Наша стачка вот-вот сорвется. С тобой вместе пришли штрейкбрехеры из города, да завтра ждут еще. Нам жрать нечего, а для них уже режут свиней и телят. Видишь, дым валит из трубы? Все для штрейкбрехеров.

Мать. Стыда нет у людей.

Егор. Помещичья бойня, хлебопекарня и молочная, ясное дело, не бастуют.

Мать. А почему? Вы с ними толковали?

Егор. Ни к чему это. Чего им бастовать? Плату только нам сократили, простым батракам.

Мать. Дай-ка сюда газеты. (Делит пачку газет пополам и дает ему часть.)

Егор. А те? Почему ты даешь не все?

Мать. Эти пойдут на помещичью бойню, хлебопекарню и молочную. Там же тоже рабочие, с ними надо потолковать. Где есть хоть один рабочий, там еще не все потеряно.

Егор. Не трудись зря! (Уходит.) Мать. Вот так и терзаем друг друга, рабочий с рабочим, а грабители наши посмеиваются.

Б

Помещичья кухня.

На кухне сидят двое штрейкбрехеров за едой и разговаривают с мясником.

Первый штрейкбрехер (жуя, другому). Кто в час беды предает свою страну, тот сволочь! А забастовщик предает свою родину.

Мясник (рубя мясо). Как так - свою родину?

Первый штрейкбрехер. Кто мы? Русские. Что кругом? Россия. И эта Россия принадлежит русским.

Мясник. Вот как?

Второй штрейкбрехер. Ну да! Кто этого не чувствует... - а ведь мясо не того... - тому этого не втолкуешь. Но по башке его хватить можно.

Мясник. Верно!

Первый штрейкбрехер. Этот стол - родина, и это мясо - родина.

Мясник. Но оно ведь "не того".

Второй штрейкбрехер. Место, на котором я сижу, - родина. И даже ты (мяснику) сам тоже кусок родины.

Мясник. А если я тоже "не того"?

Первый штрейкбрехер. Каждый должен защищать свою родину.

Мясник. Да, если она ему действительно родина.

Второй штрейкбрехер. Вот он - подлый материализм!

Мясник. Дерьмо собачье!

Жена мясника вводит мать, которая притворяется, что ей очень больно от

шишки на голове.

Жена мясника. Садитесь-ка сюда! Я вам сейчас сделаю примочку. А потом съешьте чего-нибудь, а то вы так перепугались. (Остальным.) Ее камнем ушибли.

Первый штрейкбрехер. Я ее помню. Она ехала в одном поезде с нами.

Второй штрейкбрехер. Это дело рук забастовщиков: мы о ней здорово беспокоились. Жена мясника. Ну как, полегчало?

Мать утвердительно кивает.

Второй штрейкбрехер. Ну слава богу!

Жена мясника. Они грызутся как звери за свою работишку. Ну и шишка! (Идет за водой.)

Мать (публике). Шишка вызывает гораздо больше сочувствия у тех, кто ожидает шишек, чем у тех, кто шишки раздает!

Первый штрейкбрехер (указывая вилкой на мать). Вот вам: русскую женщину русские рабочие забросали камнями! Вы мать?

Мать. Да.

Первый штрейкбрехер. Русскую мать избивают камнями!

Мясник. Да, и притом русскими камнями. (Публике.) И этому сброду я должен варить суп! (Матери.) Почему же они в вас бросали?

Мать (примачивая шишку тряпкой). Они видели меня рядом со штрейкбрехерами.

Второй штрейкбрехер. Вот сволочи!

Мать. Почему же - сволочи? А мне как раз подумалось: пожалуй, они вовсе не плохие люди.

Жена мясника. А камнями кидались почему?

Мать. Значит, приняли меня за сволочь.

Жена мясника. Как они могли подумать, что вы сволочь?

Мать. Потому что им показалось, будто я - штрейкбрехер.

Мясник (улыбается). Значит, по-вашему, в штрейкбрехеров можно бросать камнями?

Мать. Конечно,

Мясник (сияя, жене). Дай ей поесть! Дай ей сейчас же поесть! Дай ей две тарелки! (Подходит к матери.) Меня зовут Василий Ефимович. (Жене вдогонку.) И позови-ка ребят

сюда. Им тут есть чему поучиться.

Его помощники становятся в дверях.

Эту женщину забастовщики забросали камнями. У нее шишка на голове. Видите? Я ее спросил: почему у вас шишка? Она отвечает: "Меня приняли за штрейкбрехершу". - Я спрашиваю: так, значит, в штрейкбрехеров можно кидать камнями? И что, по-вашему, она ответила?

Мать. Можно.

Мясник. Как только я это услышал, голубчики, я сказал: дайте ей поесть. Дайте ей две тарелки. (Матери.) Почему вы не кушаете? Слишком горячо? (Жене.) Зачем кипяток налила? Так можно обжечься.

Мать (отодвигая тарелку). Нет, Василий Ефимович, суп не горяч.

Мясник. Так почему же вы не едите?

Мать. Потому что он сварен для штрейкбрехеров.

Мясник. Для кого сварен?

Мать. Для штрейкбрехеров.

Мясник. Так! Занятно. Выходит - я тоже сволочь? Глядите-ка: я тоже сволочь! А почему? Потому что помогаю штрейкбрехерам. (Матери.) Так, что ли? (Подсаживается к ней.) Но ведь забастовка - это нехорошее - дело. Скажешь: смотря по тому, ради чего бастуют?

Мать кивает.

Зарплата, говоришь, была снижена. А почему бы зарплате не снизиться? А ну оглядись: все это - добро господина Смирнова, а сам он живет в Одессе. Почему бы ему не снижать плату?

Штрейкбрехеры радостно ему поддакивают.

Разве ж то не его деньги? Ты, стало быть, не согласна, что сегодня может он платить за работу два рубля, а завтра - две копейки? Не согласна? А что было в прошлом году? Ведь даже мне сбавили жалованье. А что я сделал (жене) по твоему совету? Ничего. А что будет в сентябре? Мне еще урежут жалованье! А в чем я виноват сейчас? Предаю людей, которым тоже урезают плату, но которые не хотят этого позволить. Так кто же я? (Матери.) Значит, моя еда для тебя не годится? Я только того и ждал, чтоб уважающий себя человек в лицо мне сказал, что он себя уважает и моей стряпни есть не станет. Чаша переполнилась. Собственно, она давно уже была полна. Не хватало последней капли... (показывает на мать) чтобы хлынуло через край. Одной злобы и ворчли мало. Надо отвечать делом. (Штрейкбрехерам.) Скажите вашему господину Смирнову: пусть присылает вам жратву из Одессы. Пусть эта свинья сама вам стряпает!

Жена мясника. Не горячись.

Мясник. Не зря я работал в фабричных столовках. Я оттуда ушел потому, что душа не принимала, что там творилось.

Жена пытается успокоить его.

Я думал, вот уеду в деревню, там будет по-честному - и что же? Такая же мерзкая дыра, где я должен набивать брюхо штрейкбрехерам.

Жена мясника. Тогда давай уедем.

Мясник. Правильно! (Повелительно.) Давайте сюда котел с чечевицей. А ты сало носи! Все, что есть. И все, что в кладовой повешено! Для чего все это припасено?

Жена мясника. Накличем беду на свою голову! Пропадем мы с тобой!

Мясник (штрейкбрехерам). Эй, вы, спасители родины, пошли вон! Мы бастуем! Кухня бастует! Вон! (Выгоняет штрейкбрехеров.) Я мясник и привык, чтоб последним я смеялся, а не свинья. (Обняв жену за плечи, становится перед матерью.) А теперь выйди-ка и скажи тем, кто в тебя швырял камнями, что суп на столе.

ХВАЛА ПЕЛАГЕЯМ ВЛАСОВЫМ

(читают мясник и работники помещичьей кухни)

Крепкий боец товарищ Власова,

Неутомимый, хитрый, надежный.

Надежный в бою. Хитрый с врагом и неутомимый

В работе пропагандиста. Малое дело

Крепко проводит и незаменима.

Не одинока она: вместе с ней

Борются крепко, хитро и стойко

В Твери, Глазго, Лионе, Чикаго,

Шанхае, Калькутте

Власовы всех стран - кроты истории,

Безыменные солдаты революции

Незаменимые.

IX

1912 год.

Возвращение Павла из сибирской ссылки.

Квартира учителя Весовщикова.

Власова, Василий Ефимович и молодой рабочий приносят в дом учителя

Весовщикова печатный станок.

Учитель. Пелагея Ниловна, чтоб у меня здесь никаких печатных машин не устанавливать! Не злоупотребляйте моим сочувствием движению. Вы знаете, что я теоретически на вашей стороне, но это выходит далеко за пределы теории.

Мать. Так ли я вас поняла, Николай Иванович? Вы - за наши листовки. Последнюю, для городских рабочих, вы сами сочинили. Но вы против того, чтобы их печатать? (Устанавливают машину.)

Учитель. Нет. Но я против того, чтобы их печатать здесь.

Мать (обиженно). Принимаем к сведению, Николай Иванович!

Продолжают работу.

Учитель. Ну и...

Рабочий. Если Власова себе что вбила в голову - конец. Натерпелись мы от ее упрямства. Будьте спокойны, никто ничего не заметит.

Мать. Наши газеты то и дело конфискуют - вот и нужно печатать больше.

Учитель уходит в соседнюю комнату и берется за книгу. Начинается печатание.

Машина очень громко стучит. Учитель врывается в комнату.

Чуть шумновато, а?

Учитель. У меня лампа упадет со стены! Совершенно недопустимо печатать здесь подпольные листовки, если это вызывает такой грохот.

Мать. Подложить бы чего под нее, и соседи ни звука не услышат. Не найдется ли у вас чего, Николай Иванович?

Учитель. Ничего у меня нет!

Мать. Да не кричите так! У соседки есть кусок кошмы. Она его припасла на детские пальтишки. Попробую у нее выклянчить. Подождите печатать. (Идет к соседке.)

Василий Ефимович (учителю). Николай Иванович, нам очень неприятно, что вы ею недовольны.

Рабочий. Ведь мы ее сюда пристроили, чтоб, она бросила политику. Стали бы мы, Василий Ефимович, открывать здесь подпольную типографию! Но пойдите уговорите ее.

Учитель. Я очень сердит. Например, я просто возмущен, что вы ко всему еще грабите ее. На днях прихожу домой и вижу: роется в своем стареньком кошельке, достает несколько грошей на членский взнос.

Василий Ефимович. Даром нам ничего не дают. Революцию делаем против нищеты, и еще надо выкладывать денежки. Мать очень строго взыскивает членские взносы. Ну что ж, говорит, на полкаравая меньше съедим ради нашего дела. Наша фирма должна богатеть, говорит она.

Стук в дверь. Машину прячут. Учитель оттирает.

Голос Павла (из-за двери). Здесь живет Пелагея Власова? Я - Павел Власов.

Учитель. Ее сын!

Павел (входит). Здравствуйте.

Все. Здравствуй.

Павел. А где же моя мать?

Учитель. У соседки.

Василий Ефимович. Сейчас вернется. Твоя мать нам говорила, что ты...

Павел. В отъезде.

Василий Ефимович (смеется). Вот именно!

Слышно, что Власова возвращается.

Рабочий. Садись сюда! Устроим твоей матери сюрприз.

Сажают Павла на стул против двери и становятся вокруг него.

Мать входит.

Мать. Павел! (Обнимает его.) Как похудел! Надо бы потолстеть, а он все худеет. Я так и думала, что долго они тебя не удержат. Как вырвался? Сюда надолго?

Павел. Вечером двину дальше.

Мать. Пальто-то хоть скинуть можешь?

Павел снимает пальто.

Учитель. Вас послушать, так вы боретесь за свободу, а в своей партии сущее рабство насаждаете. Хороша свобода! Одни только приказы да принуждения.

Мать. Видите ли, Николай Иванович, тут такое дело. Нам эти приказы не мешают, не то что вам. Нам они нужны. Мы, не в обиду вам будь сказано, на большее метим, чем вы. А свобода, она, Николай Иванович, все равно что деньги. Вот я совсем мало даю вам денег на

мелкие расходы, зато теперь вы больше можете купить себе нужных вещей. Если месяц-другой поменьше тратить, потом можно истратить побольше. Против этого и вы не станете спорить.

Учитель. Я вообще отказываюсь с вами спорить. Вы ужасно неуступчивы.

Мать. Да, это верно, но нам иначе нельзя.

Василий Ефимович. А кошму-то вы достали? (Павлу.) Газета должна быть готова к восьми часам!

Павел. Так тискайте скорей!

Мать (сияя). Начинайте, начинайте! Кончим - тогда выкроим минутку! Ну что вы скажете - соседка-то и слушать меня не стала! Кошма, вишь, заготовлена детям на пальтишки. Марфа Александровна, говорю, да я ж только что видела ваших ребят, они шли из школы в пальтишках. "Какие же это пальтишки? Это просто латаные отрепки. Вся школа издевается", - говорит она. Марфа Александровна, говорю, у бедняков и пальтишки бедные. Дайте мне кошму хоть до утра. Поверьте мне, детям вашим она принесет больше пользы, если вы мне ее дадите, чем самое теплое пальто. Куда там! Не дала. Ума - ни на грош! (Вынимает из-под передника несколько кусков кошмы и подкладывает под машину.)

Учитель. А это что?

Мать. Да кошма же!

Все смеются.

Василий Ефимович. Чего же вы так долго жалуетесь на соседку?

Мать. А как же? По ее милости я воровкой стала. Кошма-то нужна нам до зарезу. А истинная правда, ее ребятишкам прямая выгода, чтоб такие газеты печатались!

Василий Ефимович. Пелагея Власова, именем революции благодарим вас за кошму!

Смех.

Мать. А завтра я ее верну. (Присевшему на стул Павлу.) Хочешь хлеба?

Василий Ефимович (у машины). А кто будет вынимать оттиски?

Мать становится к машине. Павел ищет хлеб.

Мать. Поищи в ящике.

Павел. Обо мне не беспокойся. Я даже в Сибири как-то нашел кусок хлеба.

Мать. Слышите, он корит меня! Не забочусь, мол, о нем. Дай, я хоть отрежу тебе хлеба.

Учитель. А кто будет вынимать оттиски?

Павел (отрезает ломоть хлеба, остальные печатают). Оттиски будет вынимать мать

революционера Павла Власова, революционерка Пелагея Власова. А она заботится о нем? Ни капельки! Чай она ему заварила? Баню истопила? Телка заколола? Ничего подобного! Бежит он из Сибири в Финляндию под железными ударами вьюги, под свист жандармских пуль, и негде ему приклонить голову, кроме подпольной типографии. А мать вынимает какие-то оттиски, вместо того чтоб гладить его по голове.

Мать. Хочешь помочь нам - становись сюда. Андрей подвинется.

Павел занимает место у печатного станка напротив матери.

Мать. Трудно жилось?

Павел. Если бы не тиф, все было бы хорошо.

Мать. Ел-то хоть по-человечески?

Павел. Да, кроме тех случаев, когда нечего было есть.

Мать. Береги себя. Ты теперь надолго?

Павел. Если вы здесь здорово будете работать - ненадолго.

Мать. А там - тоже будет работа? Павел. Конечно! Там это так же нужно, как и здесь.

Стук в дверь. Входит Зигорский.

Зигорский. Павел, скорей уходи! Вот билеты. На вокзале тебя ждет товарищ Исай с паспортом.

Павел. А я-то думал пробыть хоть часа два. (Берет пальто.)

Мать (идет за своим пальто). Я тебя провожу.

Зигорский. Нельзя. Павлу это опасно. Вас знают все, а его никто не знает!

Мать помогает Павлу надеть пальто.

Павел. До свидания, мама!

Мать. Будем надеяться, что в следующий раз я успею отрезать тебе хлеба.

Павел. Будем надеяться. До свидания, товарищи!

Павел и Зигорский уходят.

Учитель. Бог ему поможет, Власова.

Мать. Этого я не знаю. (Возвращается к машине.) Печатание продолжается. (Декламирует.)

ХВАЛА ТОМУ, ЧТО ТРЕТЬЕ

Вечна жалоба, что быстро

Матери теряют сынов,

но я

Сохранила сына. Как сохранила?

Через третье.

Он и я - было нас двое; но нас единило

Третье - общее дело, которое мы

Вместе вели.

Часто слыхала я, как отцам

Грубят сыновья.

Сколь же лучше был наш разговор

Об этом, о третьем, родном нам обоим,

Великом деле миллионов людей!

Близкие этому делу, мы

Были близки друг другу.

Близкие этому милому делу,

Мы были милы друг другу!

Х

При попытке перейти финскую границу Павел Власов был схвачен

и расстрелян

Квартира учителя.

Хор {Перевод А. Голембы.} (поют революционеры-рабочие, обращаясь к Власовой).

Товарищ Власова, твой сын

Расстрелян. Однако,

Когда он шел к стене, чтобы быть расстрелянным,

Он шел к стене, возведенной

ему подобными,
И винтовки, направленные в его грудь, и
обоймы
В магазинах этих винтовок
Были изготовлены ему подобными. Только люди эти
Ушли или были прогнаны, но для него они все же
были здесь
И присутствовали в деле рук своих. Да ведь и те,
Которые стреляли в него, были не иными, чем он
сам, и
Не вечно им быть невосприимчивыми к учению.
Конечно, он шел еще в цепях, выкованных
Товарищами
И надетых на него его товарищами, но
Гуще вырастали заводские здания, он это
Видел с пути своего,
Трубы к трубе, и так как это было утром
Ибо их всегда выводят утром, - то
Цеха были пусты, но он видел их наполненными
Тем войском, которое непрестанно росло,
Да и теперь еще продолжало расти.
Однако его
Ему подобные
Вели нынче к стене,
И он,
Который понимал это,

В то же время и не мог

Этого понять.

Входят три женщины. Они несут Библию и миску с едой.

Домовладелица (в дверях). Надо забыть все пререкания с Власовой, подойти к ней по-христиански и выразить ей сочувствие.

Входят в комнату.

Дорогая Пелагея Ниловна! В эти трудные дни вы не одиноки. Весь дом горюет вместе с вами.

Две женщины плачут. Они садятся и громко всхлипывают.

Мать (после паузы). Выпейте чайку. Это помогает. (Разливает чай.) Ну что, теперь полегче?

Домовладелица. Удивительно, как вы себя держите в руках, Пелагея Ниловна.

Ее племянница из деревни. Так и надо. Все под богом ходим.

Бедная женщина. А бог - он знает, что делает.

Мать молчит.

Мы так подумали, надо позаботиться о вас. Небось ничего толком и не варите для себя. Вот миска с едой. Только разогреть. (Протягивает миску.)

Мать. Спасибо, Лидия Антоновна. Я вам очень благодарна, что вы подумали обо мне. И вам всем спасибо, что пришли навестить меня.

Домовладелица. Милая Пелагея Ниловна, я вам и Библию принесла, на случай, если б вам захотелось почитать. Держите ее сколько угодно. (Подает матери Библию.)

Мать. Спасибо на добром слове, Вера Степановна. Библия, конечно, очень хорошая книга. Но вы не обидитесь, если я не возьму ее? Учитель уехал на каникулы и позволил мне читать свои книги. (Возвращает Библию.)

Домовладелица. Я просто подумала - не станете же вы теперь читать газеты с их политикой.

Племянница. Неужто вы их каждый день читаете?

Мать. Да.

Домовладелица. Пелагея Ниловна, мне Библия всегда приносит утешение.

Бедная женщина. А у вас его карточки не осталось?

Молчание.

Мать. Нет. Было несколько. Но мы их уничтожили, чтоб они не попали в руки полиции.

Бедная женщина. А хорошо все-таки, когда есть хоть что-нибудь на память.

Племянница. Говорят, он был очень хорош собою.

Мать. Вспомнила. Одна карточка есть. Вот розыскное объявление о нем. Он вырезал его для меня из газеты.

Женщины разглядывают объявление.

Домовладелица. Тут написано черным по белому, что ваш сын стал преступником. Он был неверующим, как и вы. Да вы и не скрывали этого. При каждом удобном и неудобном случае вы давали понять, как вы относитесь к нашей вере.

Мать. Ровно никак, Вера Степановна.

Домовладелица. Вы и сейчас не переменили убеждений?

Мать. Нет, Вера Степановна.

Домовладелица. И все еще думаете, будто человеческий разум - самое главное?

Бедная женщина. Я же вам говорила, Вера Степановна, что Пелагея Ниловна наверняка не изменилась.

Домовладелица. А на днях вы ночью ревели белугой. Я слышала через стену.

Мать. Простите за беспокойство.

Домовладелица. Да вы не извиняйтесь. Я не к тому. Но скажите - плакали вы от разума?

Мать. Нет.

Домовладелица. Вот видите. Недалеко, значит, уйдешь с вашим разумом.

Мать. Плакала я не от разума. А вот перестала плакать - от разума. То, что сделал Павел, было правильно.

Домовладелица. Почему же его расстреляли?

Бедная женщина. Видимо, все ему стали врагами.

Мать. Да. Они были ему врагами, но потому они были и врагами самим себе.

Домовладелица. Человеку, Власова, нужен бог. Человек - игрушка судьбы.

Мать. А мы говорим: судьба человека - это сам человек.

Племянница. Голубушка, Пелагея Ниловна! По-нашему, по-крестьянскому...

Домовладелица (указывая на нее). Это моя родственница, приехала погостить.

Племянница. ...по-нашему, по-крестьянскому - не так. Знаете вы, что такое зеленыя на полях? У вас тут караваи на прилавке. Корову вы и не видали - молоко у вас в бутылках. Поворочались бы вы ночь без сна, когда гроза собирается. Что вам град?

Мать. Понимаю. Тогда вы и молитесь богу?

Племянница. Да.

Мать. И ходите с крестами весной и служите молебны?

Племянница. Верно, верно.

Мать. А гроза все-таки приходит, и выпадает град. И корова все-таки болеет. А нет ли у вас крестьян, застраховавшихся от неурожая и падежа? Не помогла молитва - поможет страховка. Значит, когда гроза собирается, незачем богу молиться, надо только застраховаться. Страховка - она помогает. Очень невыгодно богу так терять свой вес. Можно надеяться, что этот ваш бог скоро исчезнет над вашими полями, и тогда вы его выкинете из головы. Когда я была маленькая, все еще твердо верили, будто он сидит где-то на небе и похож на старичка. Потом явились аэропланы, и в газетах стали писать, что и в небесах все можно обмерить. И перестали говорить о боге, который в небе. Зато стали рассуждать, будто он вроде воздуха. Нигде, мол, и всюду в одно и то же время. А потом все прочитали, из чего состоит воздух и всякие там газы, и бога среди них не оказалось. Так он худел, тощал и наконец совсем, так сказать, улетучился. Теперь иногда пишут, будто он вообще лишь умственное понятие. Но это что-то подозрительно.

Бедная женщина. Так вы думаете, бог теперь не так уж важен, раз его вовсе не замечают?

Домовладелица. Не забывайте, Власова, за что бог отнял у вас вашего Павла.

Мать. Скажите лучше - царь: царь его отнял. И я не забуду, за что.

Домовладелица. Бог отнял его у вас, а не царь.

Мать (бедной женщине). Я слышала, Лидия Антоновна, что бог, который отнял у меня Павла, теперь хочет в субботу отнять у вас вашу комнату. Это верно? Бог отказал вам от квартиры?

Домовладелица. Это я ей отказала. Она не платит. Уже три срока пропустила.

Мать. А что вы сделали, Вера Степановна, когда бог велел вам три раза не получать плату?

Вера Степановна молчит.

Выгнали Лидию Антоновну на улицу. А что сделали вы, Лидия Антоновна, когда бог велел вам убираться на улицу? Попросите-ка домовладелицу, не даст ли она вам свою Библию. Замерзая на улице, неплохо полистать ее и прочесть деткам, что надо бояться бога.

Домовладелица. Почаще бы читали Библию сыну, он жил бы теперь.

Мать. Да. Но плохо. Он жил бы очень плохо. Почему вы одной только смерти боитесь? Мой сын так не боялся смерти. (Декламирует.)

Зато в ужас впадал он, видя нужду,

Которая в городах на глазах у всех.

Нас ужасают голод и обреченность

Тех, кого он гложет, и тех, кто его порождает.

Лучше бойтесь не смерти, а куцей, безотрадной

жизни!

Молчание.

Какой вам смысл бояться бога, Лидия Антоновна? Правильней бояться Веры Степановны. Павел, мой сын, погиб не по какому-то там велению господу, а по вполне точному велению царя. Вот и вас Вера Степановна выкинула на улицу потому, что человек, который сидит в особняке и ничуть не похож на бога, уволил вас с работы. При чем тут бог? В "доме отца его" много покоев - это вам говорят. А вот в Ростове их мало. А почему? Об этом помалкивают.

Бедная женщина. Дайте мне на минутку Библию, Вера Степановна. Там черным по белому написано: люби ближнего своего. А вы меня гоните на улицу. Дайте сюда Библию, я найду это место. Конечно, Павла застрелили за то, что он был рабочий и стоял за рабочее дело. (Хватается за Библию.) Дайте сюда, я найду...

Домовладелица. Нет! Для этого я Библию не дам, нет-нет!

Бедная женщина. А для чего дадите? Для какой-нибудь подлости.

Домовладелица. Это слово божье!

Бедная женщина. К чему мне ваш бог? Какой толк от него? (Пытается вырвать Библию из рук домовладелицы.)

Домовладелица. Вот я вам сейчас прочту про тех, кто зарится на чужое добро.

Бедная женщина. Дайте сюда!

Домовладелица (крепко вцепившись в книгу). Это моя книга!

Бедная женщина. И весь дом ваш, да?

Библия разлетается в клочки.

Племянница (подымает клочки). Вот и нет книжки.

Мать (убирая миску с едой в безопасное место). Лучше разорвать Библию, чем расплескать еду.

Бедная женщина. Если бы я не верила, что есть бог на небе, воздающий за доброе и злое, я сегодня же вступила бы в партию Власовой. (Уходит.)

Домовладелица. Видите, Власова, до чего вы довели Лидию Антоновну! И ваш сын рассуждал так же, вот его и расстреляли. И вы заслуживаете того же. Идем. (Уходит вместе с племянницей.)

Мать. Несчастные! (В изнеможении опускается на стул.) Павел!

XI

Смерть сына и годы столыпинской реакции притушили революционную деятельность Власовой. Весть о начале мировой войны застаёт ее прикованной болезнью к

постели.

Квартира учителя.

Учитель (доктору). С тех пор как умер ее сын, она все прихварывает. По дому-то она еще возится, ну а другую свою работу совсем бросила.

Врач. Она очень слаба. Вставать ей ни в коем случае нельзя. Возраст-то у нее не малый. (Уходит.)

Учитель идет в кухню и садится у кровати Власовой.

Мать. Что пишут в газетах?

Учитель. Война объявлена.

Мать. Война? А мы что делаем?

Учитель. Введено осадное положение. Из социалистических партий только большевики высказались против войны. Наша пятерка думских депутатов уже арестована и за государственную измену выслана в Сибирь.

Мать. Плохо дело. Если царь мобилизует, мы, рабочие, тоже должны мобилизовать свои силы. Я сейчас встану.

Учитель. Вам ни в коем случае нельзя вставать. Вы больны. И что вы можете сделать против царя и всех властителей Европы? Я сейчас спущусь за последним специальным выпуском. Теперь партию совсем прикончат. (Уходит.)

Хор (поет, обращаясь к матери).

Вставай! Ибо партия в беде.

Ты больна, но партия при смерти.

Ты слаба, но помоги нам!

Вставай! Ибо партия в беде!

Ты сомневалась в нас.

Брось сомнения,

Бьет час последний. Не раз ты партию бранила,

Оборви эту брань.

Над ней топор.

Вставай, ибо партия в беде!

Встань скорей!

Ты больна. Но ты нужна нам.

Не умирай, помоги партии!

Не отстраняйся! Партия идет в бой.

Вставай, партия в беде, вставай!

Во время пения мать с трудом встает, одевается, берет сумку и, шатаясь, торопливо выходит из комнаты.

ХII

Против течения

Перекресток.

Несколько рабочих уводят в кровь избитую мать за угол дома.

Первый рабочий. Что с ней такое?

Второй рабочий. Эта старуха была в толпе, которая приветствовала уходившие войска. Вдруг она крикнула: "Долой войну! Да здравствует революция!" Полицейские исколотили ее резиновыми дубинками. Мы ее оттащили за угол. Оботри ей лицо.

Рабочие. Уноси, старуха, ноги, а то тебя все-таки сцапают!

Мать. Где моя сумка?

Рабочие. Вот она!

Мать. Постойте! Тут прокламации. В них написана правда про войну и про нас, рабочих.

Рабочие. Иди домой, бабка! Правда пусть полежит в сумке. С ней пропадешь. Да и нас, если найдут ее, посадят за решетку. Неужто тебе еще мало?

Мать. Нет-нет, вы это должны знать! Невежество, вот что не дает нам подняться.

Рабочие. И полицейские.

Мать. Они тоже не знают.

Рабочие. Но наши вожди говорят нам: сперва надо помочь расколотить немцев и защищать родину.

Мать (декламирует).

Вот как! И это вожди?

Рука об руку с классовым врагом

Ведете вы рабочих на рабочих.

Ваши союзы, кропотливо построенные

На грошики рабочих, уже разбиты.

Старый опыт борьбы забыт.

И забыто содружество рабочих всех стран.

Рабочие. Все теперь ни к чему: мы бастовали на многих заводах против войны. Наши стачки подавлены. Революции не будет. Иди домой, старуха. Бери мир таким, как он есть. Не бывать тому, чего вы хотите, никогда, никогда, никогда!

Мать. Прочтите хоть то, что мы говорим о положении дел. Ладно? (Предлагает им прокламации.) Даже прочитать не хотите?

Рабочие. Мы признаем, что вы нам добра хотите, но листовок больше брать не будем. Неохота в петлю лезть.

Мать. Да-а... Но подумайте: весь мир (кричит так громко, что перепуганные рабочие зажимают ей рот), весь мир живет во тьме кромешной, и донныне одни только вы были доступны голосу разума. Подумайте, что будет, если и вы сложите оружие!

XIII

1916 год.

Большевики неустанно борются против империалистической войны

Патриотический сбор меди.

Перед дверью, украшенной флагом и надписью "Патриотический сбор меди", стоят

семь женщин с медной утварью; среди них мать с маленькой кружкой. Чиновник в штатском отпирает дверь.

Чиновник. Последняя новость: наши храбрые войска, проявив беспримерное геройство, в четвертый раз отбили у врага крепость Перемышль. Убитых сто тысяч, пленных две тысячи. Главнокомандующий распорядился по всей России отменить занятия в школах и звонить в колокола. Нашей матушке России ура, ура, ура! Окошко для приема меди откроется через пять минут. (Входит в помещение.)

Мать. Ура!

Женщина Как хорошо, что наша война идет с таким успехом!

Мать. У меня только совсем махонькая кружечка. Что из нее выйдет? От силы пять-шесть патронов. А сколько из них попадет в цель? Ну два из шести. А из этих двух разве что один - насмерть. Вот из вашего котелка выйдет не меньше двадцати патронов. А вон кофейник той дамы, что стоит впереди, - это целая граната. Такая граната убивает сразу пять, а то и шесть человек. (Пересчитывает посуду.) Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Постой, у одной дамы две кастрюли, значит - восемь. Восемь. Значит, небольшая атака обеспечена. (Тихо смеется.) А ведь я чуть было не пожалела своей кружки. Встретилось мне двое солдат - следовало бы донести на них, - и говорят: "Неси свою медь, старая дура, чтобы войне совсем конца не было". Как вам это нравится? Ужас! Вас, говорю, надо просто-напросто расстрелять. Кружечку стоит отдать хоть на то, чтоб заткнуть ваши поганые глотки. Два патрона-то из нее выйдет. Зачем я, Пелагея Власова, отдаю свою кружечку? Для того чтобы война не кончалась!

Женщина. Что вы болтаете? Войне не будет конца, если мы сдадим медь? Наоборот, мы сдаем, чтоб война кончилась.

Мать. Нет, мы сдаем медь, чтоб война не кончалась!

Женщина в черном. Нет! Наши победят скорее и война окончится, если будет медь для гранат.

Мать. Ах, что вы! Если будут гранаты, война, конечно, не кончится. Наоборот, тогда-то ее можно будет продолжать. Пока хватает снаряжения, войну будут вести. Ведь и на той стороне небось тоже сдают медь.

Женщина (показывает на плакат). "Кто сдает медь - приближает конец войны". Вы что? Читать не умеете?

Мать. Кто сдает медь - затягивает войну! Не верьте надписи. Это для шпионов.

Женщина в черном. Почему ж вам хочется, чтоб война велась подольше?

Мать. А потому, что мой сынок за полгода станет фельдфебелем. Еще две атаки, и смотришь - он уже фельдфебель. И тогда у него будет двойное жалованье. А кроме того, мы получим Армению и Галицию. А Турция нам не нужна, что ли?

Женщина в черном. Кто нам нужна?

Мать. Турция! А деньги, которые мы взяли у Франции займы, их отдавать не надо, что ль? Это же, так сказать, освободительная война.

Женщина. Натурально. Еще бы не освободительная! Но из этого не следует, чтобы ей конца не было.

Мать. С полгода еще протянется.

Женщина в черном. И вы думаете, что она будет длиться, если подбавить меди?

Мать. Конечно. А солдат раздобудут бесплатно. У вас тоже кто-нибудь там?

Женщина в черном. Сын.

Мать. Видите, сына вы уже дали, теперь подбавите еще меди. Смотришь полгодака обеспечены.

Женщина в черном. Я больше ничего не понимаю. То выходит, будто война укорачивается, то будто удлиняется. Чему же верить? Муж убит. Сын под Перемышлем. Пойду домой. (Уходит.)

Начинается колокольный перезвон.

Женщина. Звон победы!

Мать. Да, мы побеждаем! Мы отдаем свои кружечки, свои котелки и кофейники, но мы побеждаем! Есть нам нечего, но мы побеждаем! Либо ты за царя и за его победу, либо ты против него. Мы побеждаем, да иначе нам и нельзя! Не то будет революция, это уж наверняка. И что тогда будет с нашим возлюбленным царем? В такое время мы должны крепко стоять за него. Поглядите на немцев. Они уже листья с деревьев жрут ради своего кайзера!

Женщина. Что вы плетете? Вот только что одна женщина убежала со своим котелком, а все из-за вас.

Работница. Зря вы ей сказали, будто она хочет затянуть войну. Никто же этого не хочет!

Мать. Как? А царь? А генералы? Вы думаете, им война с- немцами страшна? Только и знают: вперед, на врага! Победа или смерть! Так и надо. Слышите, как звонят колокола? Они же трезвонят только о победе или о смерти. А вы почему против войны? Что вы за птица? Тут, как я погляжу, собралась публика почище. А вы кто? Из рабочих? Да или нет? Лучше уж признавайтесь! Вы только примазываетесь к нашему делу. Не забывайте, что есть еще разница между нами и такими, как вы!

Прислуга. Зачем вы ее так грубо? Она ведь тоже пришла помочь родине.

Мать (работнице). Вы здесь - от чистого сердца? Этого быть не может. Да разве вам нужна война? Одно притворство! Отлично обойдемся без вас. Это наша война! Конечно, вы, рабочие, можете участвовать, никто не против этого, ни все-таки война не для вас. Лучше ступай-ка на фабрику и позаботься, чтоб тебе прибавили жалованья, и не суй носа не в свое дело. (Прислуге.) Вы можете взять ее барахло, если ей так приспичило сдать его.

Работница уходит в сердцах.

Вторая женщина. Кто она такая? Много себе позволяет.

Третья женщина. Я уже с полчаса наблюдаю, как она разгоняет народ.

Четвертая женщина. Знаете, кто она? Большевичка!

Женщины. Кто?

- Это большевичка, и притом хитрющая.

- Не связывайтесь с ней. Не слушайте ее.

- Берегитесь большевизма, у него тысяча обличий.

- Где полицейский? Он ее живо заберет!

Мать (выходит из очереди). Да, я большевичка. А вы все - убийцы! Никакой зверь не отдает своих детенышей так, как это делаете вы, - без смысла, без разума, на злое дело. Стоило бы вырвать у вас чрево! Да иссохнет оно, чтобы бесплодными стали вы! Вашим сынам незачем возвращаться домой. К таким-то матерям! Стреляя во имя злого дела, достойны они быть застреленными за это злое дело. А их убийцы - вы.

Первая женщина (оборачиваясь). Вот я вам покажу, большевичка!

Чиновник. Окошко для сдачи меди открыто.

Женщина с кофейником в руках бросается на мать и бьет ее по лицу. Другая

тоже оборачивается и плюет. Потом все три женщины входят в двери.

Прислуга. Вы не расстраивайтесь. А вот посоветуйте, что мне делать. Я знаю, что вы, большевики, против войны, но я в людях живу! Как мне вернуться с этой посудиною к хозяевам? Моя бы воля - я б ее не отдавала. Но если я не отдам, никому от этого пользы не будет, а меня выгонят. Что же мне делать?

Мать. В одиночку ты ничего не сделаешь. Раз хозяева приказали - отдай посудину. По приказу хозяев люди, такие как ты, изготовят из нее снаряды. И люди, такие как ты, будут ими стрелять. Но они же будут решать - в кого! Приходи сегодня вечером на... (Говорит ей адрес на ухо.) Там будет рабочий с Путиловского завода, и мы тебе объясним, как надо вести себя. Но смотри: об адресе - ни гу-гу, кому знать его не положено.

XIV

1917 год.

В рядах бастующих рабочих и восставших матросов шагает Пелагея

Власова - Мать

Улица.

Иван. Когда мы подошли к Любинскому проспекту, нас было уже много тысяч. Пятьдесят заводов бастовало, стачечники присоединились к нам, протестуя против войны и царского самовластья.

Василий Ефимович. Зимой тысяча девятьсот шестнадцатого-семнадцатого года бастовало двести пятьдесят тысяч рабочих.

Прислуга. Мы несли плакаты: "Долой войну!", "Да здравствует революция!" и красные знамена. Наше знамя несла шестидесятилетняя старуха. Мы сказали ей: не тяжело тебе? Дай знамя нам. Но она ответила...

Мать. Нет, сейчас не дам. А когда устану, тогда ты понесешь. Потому что еще много дел у меня, Пелагеи Власовой, вдовы рабочего и матери рабочего! Много лет назад, замечая, что сын голодает, я только горевала. И от этого ничего не менялось. Потом я помогала ему в борьбе за болотную копейку. В те времена мы устраивали мелкие стачки, чтоб поднять заработную плату. А сейчас - мы участники испанской забастовки военных заводов и бьемся за власть в государстве.

Прислуга. Многие говорят: никогда не исполнится то, чего вы хотите. Довольствуйтесь тем, что у вас есть. Мощь хозяев несокрушима. Вас снова и снова будут побеждать. Даже многие рабочие говорят - не бывать этому никогда!

Мать (поет).

Пока ты жив, не говори - "никогда"!

Несокрушимое - сокрушимо,

Тому, что есть, будет конец.

Когда властители откомандуют,

Начнут говорить подвластные.

Кто смеет сказать - "никогда"?

Кто виноват, что гнет не сломлен? Мы сами.

Кто должен его сломить? Тоже мы.

Кто был побежден, вставай во весь рост!

Кто погибал - бейся!

Если ты понял все, кто сможет тебя

удержать?

Побежденный сегодня - победителем будет

завтра.

Из "никогда" рождается "ныне".

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания переведены Н. Манушиным

I

Пьеса "Мать", написанная в стиле учебных пьес, но требующая актеров, пьеса антиметафизической, материалистической, неаристотелевской драматургии. Эта драматургия не рассчитана столь безоговорочно, как аристотелевская, на самозабвенное "вчувствование" зрителя, а также в значительной мере по-иному использует некоторые средства психологического воздействия, например, такие, как катарсис. Не задаваясь целью отдать своего героя во власть неотвратимого рока, воплощенного в окружающем мире, она равным образом не стремится отдать зрителя во власть суггестивного театрального переживания. Для того чтобы научить своего зрителя определенному практическому поведению, направленному на изменение мира, она должна уже в театре привить ему принципиально иное отношение к театральному зрелищу, отличное от того, к чему он привык. Ниже следует описание некоторых опытов, которые были проведены при постановке пьесы "Мать" в Берлине в 1932 году и в Нью-Йорке в 1935 году.

II

ОПОСРЕДСТВОВАННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭПИЧЕСКОГО ТЕАТРА

В первой постановке "Матери" (художник Каспар Неер) сцена не должна была изображать какую-либо реальную обстановку: она, так сказать, сама выражала свое отношение к происходящим событиям - она цитировала, рассказывала, готовила и напоминала. В своих скупых намеках на мебель, двери и т. д. она ограничивалась предметами, которые участвовали в спектакле, то есть такими, без которых действие не могло бы развиваться или развивалось бы иначе. Система металлических труб позволяла быстро менять декорации; вертикальные трубы - несколько выше человеческого роста - были укреплены на полу сцены на различных расстояниях друг от друга; на них монтировались горизонтальные раздвижные трубы, которым можно было придать любую длину и на которых крепился холст. В промежутках между трубами висели в рамках настоящие, не бутафорские деревянные двери. Сцена в Нью-Йорке (художник Макс Горелик) была оформлена аналогично, но более стабильно. На большой экран, помещенный на заднем плане, проецировались титры и фотодокументы; они оставались там на протяжении всей сцены, поэтому экран заодно служил и своего рода кулисой. Сцена показывала, таким образом, не только наметки реальной обстановки - с помощью титров и фотодокументов она отражала тот могучий духовный подъем, который сопровождал происходящие события. Проекция отнюдь не служит просто механическим вспомогательным средством - это не дополнение и не подстрочник; они даются не в помощь зрителю, напротив - они препятствуют его полному "вчувствованию", прерывают его механическое следование за ходом пьесы. Они делают воздействие опосредствованным. Тем самым они становятся органической частью произведения искусства.

III

ПРОЕКЦИИ

БЕРЛИНСКАЯ ПОСТАНОВКА

Сцена I (стр. 401)

Пелагеи Власовы всех стран

Сцена II (стр. 403)

Борьба за копейку

Сцена III (стр. 409).

Фото: "П. Сухлинов, хозяин завода "Сухлинов и Ко"

Сцена IV (стр. 415)

"Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами"

(Маркс)

Сцена V (стр. 418)

Первое мая. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Сцена VI (стр. 421)

"Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо для победы"

(Ленин)

Сцена VI (стр. 421)

Партийный билет Пелагеи Власовой с ее фотокарточкой; сверху надпись: Членский билет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) на имя Пелагеи Власовой из Твери.

Сцена VII (стр. 431)

"Докажите, что вы можете бороться!"

(Из обращения Ленина к женщинам)

Сцена VIII (стр. 434).

Эмблема серпа и молота, помещенных порознь, то есть рядом друг с другом, и соединенных союзом "и".

Сцена VIII (продолжение) (стр. 434)

Эмблема серпа и молота, соединенных крест-накрест. Сцена IX (стр. 439)

"Необходимо содействовать всякому пробуждению социальной жизни и деятельности женщин, чтобы они могли преодолеть узость своей мещанской, индивидуалистической домашней и семейной психологии".

(Ленин)

Сцена X (стр. 444)

"Религия есть _опиум_ народа".

(Маркс)

Сцена XI (стр. 449)

Фотографии воюющих: русский царь, германский кайзер, Пуанкаре, Вильсон, Грей.

Сцена XII (стр. 451)

1914. Против течения!

Сцена XIII (стр. 452).

Фотографии Ленина; рядом надпись: "Превратить войну империалистическую в войну гражданскую!"

Сцена XIV (начало) (стр. 456)

1917

Сцена XIV (конец) (стр. 457)

В ноябре 1917 года русский пролетариат взял власть в свои руки.

Кадры из документального фильма об Октябрьской революции (запрещен цензурой).

Транспарант в зрительном зале: "Без женщин не может быть настоящего массового движения".

(Ленин)

IV

ЭПИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ИГРЫ

Эпический театр пользуется максимально простыми мизансценами для наглядного выражения смысла событий. "Случайная", "имитирующая" жизнь, "непринужденная" мизансцена отвергнута: сцена не отражает "естественного" беспорядка явлений. Цель - противоположность естественного беспорядка, то есть естественный порядок. Порядок подчинен соображениям историко-общественного характера. Точка зрения, на которую должна стать режиссура, здесь не полностью очерчена, но она для многих станет яснее, если ее назвать точкой зрения историка и описателя нравов. Во второй сцене пьесы "Мать" должны быть, например, четко разработаны и выделены режиссурой следующие внешние

моменты:

1. К молодому рабочему Павлу Власову впервые приходят революционеры, чтобы устроить у "его на квартире подпольную типографию.
2. Новые друзья сына вызывают у матери тревогу. Она пытается отвадить их.
3. В "Песне об исходе" работница Маша Халатова объясняет, что рабочий, для того чтобы добиться хлеба и работы, должен "перетряхнуть страну, дорваться до штурвала".
4. Полицейский обыск убеждает Пелагею Власову, как опасна новая деятельность сына.
5. Хотя мать в ужасе от грубости полицейских, она все же обвиняет в применении насилия не государство, а своего сына. Она осуждает Павла, а еще больше - его соавратителей.
6. Мать узнает, что сын получил опасное поручение- распространять листовки. Чтобы уберечь его от опасности, она вызывается сделать это сама.
7. После краткого совещания революционеры передают листовки матери. Прочсть их она не может.

Эти семь моментов должны быть переданы без патетики, но столь же многозначительно и ярко, как изображаются любые известнее исторические события. Актер эпического театра, воплощающего на своей сцене неаристотелевскую драматургию, должен делать все, чтобы показать себя посредником между зрителем и происходящим на сцене. Это также делает воздействие на зрителя, как мы к тому и стремимся, опосредствованным.

V

В ВИДЕ ПРИМЕРА: ОПИСАНИЕ ПЕРВОЙ ПОСТАНОВКИ "МАТЕРИ"

Вот что удалось показать первой исполнительнице роли матери (Елена Вайгель), применяя эпический стиль игры.

1. В первом эпизоде исполнительница, стоя в определенной типической позе посредине сцены, произносила текст таким образом, словно он написан в третьем лице; то есть она не только не создавала иллюзии, будто она действительно Власова или считает себя ею и действительно произносит этот текст, напротив, она даже препятствовала тому, чтобы зритель по небрежности или по старой привычке перенесся в некую определенную комнату и вообразил себя незримым свидетелем, подслушивающим единственную в своем роде, интимную сцену. Она открыто представила зрителю то лицо, которое ему предстояло видеть в течение нескольких часов, как лицо действующее и требующее ответного действия.

2. Попытки Власовой отвадить революционеров показывались исполнительницей так, что зритель, проявив некоторое внимание, мог почувствовать скрытый юмор. Ее упреки революционерам выражали скорее испуг, чем гнев, зато в ее готовности раздавать листовки отчетливо чувствовалось осуждение.

3. Проникнув с помощью хитрости на заводской двор, она давала понять, что революционеры много выиграют, если сумеют привлечь на свою сторону такого борца.

4. Свой первый урок экономики мать воспринимает как великая реалистка. Энергично, но вместе с тем и участливо полемизирует она со своими противниками, видя в них идеалистов, закрывающих глаза на действительность. От аргументов, она требует не только правды, но и достоверности.

5. Сцена первомайской демонстрации была представлена таким образом, как будто действующие лица стоят перед судом, но в конце сцены актер, исполняющий роль Смилгина, символизируя поражение, падал на колени, а исполнительница роли матери склонялась к нему и с последними словами своей реплики подхватывала выпавшее из его рук знамя.

6. В дальнейшем актриса исполняла роль матери с гораздо большей мягкостью и достоинством, за исключением тех сцен, где она казалась испуганной. Хор "Хвала коммунизму" исполнялся легко и спокойно.

Сцена, в которой Пелагея Власова вместе с другими рабочими учится читать и писать, - наиболее трудная для исполнителей. Смех зрителей над отдельными репликами не должен помешать им показать, как трудно учиться пожилым, неповоротливым людям; тем самым раскрывается значение поистине исторического события - обобществления науки и духовной экспроприации буржуазии эксплуатируемым и обреченным на тяжелый физический труд пролетариатом. Это не подразумевается "между строк", а говорится прямо. Многие наши актеры, когда им приходится в какой-либо сцене говорить что-нибудь прямо, тотчас начинают лихорадочно искать того, чего прямо не сказано, чтобы именно это сыграть. За это "невыразимое", сказанное между строк, которое нуждается в их игре, они и хватаются. Но так как благодаря этому выразимое и выраженное становится банальностью, такое сценическое поведение наносит вред делу.

В небольшой сцене "Иван Весовщиков не узнает своего брата" исполнительница показала, что Пелагея Власова сомневается в неизменности характера и взглядов учителя, но и не указывает пальцем на происшедшие перемены.

7. Пелагее Власовой поручено на глазах у врага вместе с сыном выполнить революционную работу. Она обманывает тюремного надзирателя, всем своим поведением подтверждая его понятие о том, как трогательно и пассивно должна вести себя любая мать на свидании с сыном. Она дает ему возможность проявить столь же пассивное сочувствие. Таким образом, являя сама пример совершенно новой, активной материнской любви, она использует свое знание материнской любви старой, отжившей, привычной. Исполнительница показывала, что мать отдает себе отчет в комизме этой ситуации.

8. В этой сцене исполнительница также показывала, что не только ее самое, но и Власову немного смешит ее притворство. Она ясно давала понять, что пассивного, хоть и выразительного поведения (заслуженно потерпевшей) совершенно достаточно, чтобы пробудить у мясника сознание классовой принадлежности. Она явилась той маленькой скромной каплей, которая переполняет чашу. Хор "Хвала Пелагеям Власовым" (пример ограничительного воздания хвалы) исполнялся перед внутренним занавесом и в присутствии Власовой, стоявшей сбоку, несколько поодаль.

10. Намеком на скорбь матери, потерявшей сына, может служить ее поседевшая голова. Скорбь глубока, но она только намечена. Разумеется, она не уничтожает юмора. Рассказ о том, как бог улетучился, должен быть насыщен юмором.

11. Воздействие этой сцены зависит от того, насколько ясно показана усталость Пелагеи Власовой. Ей очень трудно говорить громко и отчетливо. Перед каждой репликой

она долго молчит, собираясь с силами. Затем она произносит слова ясно, уверенно и бесстрастно. Этим она показывает свою многолетнюю выучку. Исполнительница поступает правильно, подавляя свое сострадание к изображаемому ею персонажу.

12. Здесь исполнительница в опоре с рабочими не только противостояла им, но и оставалась одной из них: в совокупности с ними она показывала лицо пролетариата в первый период войны. С наибольшей тщательностью произносила она "да-а...", которым начинается ее заключительная реплика, - это было чуть ли не кульминацией всей сцены. Сгорбившись по-старушечьи, она поднимала подбородок и, улыбаясь, произносила это слово протяжно, негромко, тонким, высоким голосом, давая понять, что она сознает и то, как велико искушение отказаться от борьбы, и то, как при существующем положении вещей пролетариату необходимо жертвовать всем до последнего.

13. Ведя антивоенную пропаганду, исполнительница говорила согнувшись, стоя вполоборота, закутанная в большой платок, - она подчеркивала подпольный характер этой работы.

Из всех возможных черт она неуклонно выбирала те, показ которых содействовал самой широкой политической трактовке образа Власовой (следовательно, и вполне индивидуальные, своеобразные и неповторимые!), а также те, которые содействуют работе самих Власовых; иными словами, она играла так, будто перед ней сидят политики, однако это не умаляло ее как артистку, а ее игра не перестала от этого быть искусством.

VI

ХОРЫ

Чтобы воспрепятствовать "поглощению" зрителя, его "вольным" ассоциациям, в зрительном зале могут быть размещены небольшие хоры, которые показывают пример правильного отношения к действию пьесы, предлагают выработать свое собственное мнение, опираясь на свой опыт и строго проверяя изображаемое на сцене. Такие хоры апеллируют к зрителю как к человеку практического действия, призывают его к независимой позиции по отношению к изображаемому миру и к самому изображению. Ниже приводятся несколько примеров. Эти тексты по желанию можно менять (смотря по ситуации), дополнять или заменять чтением цитат, документов или исполнением песен.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Стр. 401. Перед словами "Прямо совестно предлагать сыну такой суп".

1. Хор {Перевод хоров А. Голембы.}

Взгляните, вот мать и сын! Между ними

Наступило отчуждение. По внешним причинам

Она почти стала его врагом: здесь борется

Любящая мать с враждебным сыном.

Итак, вы видите,

Что борьба, которая идет в просторном мире,

Не прекращается и в каморке.

И в пространстве, наполненном борьбой,

Никто не может остаться вне борьбы.

Стр. 401. После слов: "Значит, будет он еще недовольнее".

2. Хор. Он недоволен, ибо он постиг свое положение! И его недовольства ждет Весь мир.

Стр. 401. После слов: "Не вижу я выхода".

3. Хор. Посмотрите-ка, до чего она далека от того, чтобы

видеть

Свою исполинскую задачу! Она все еще думает о том,

удастся ли ей

Так разделить его умяющуюся получку, чтобы

Умаление ее осталось незамеченным

Благодаря ее искусству!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Стр. 404. После слов: "Не по душе мне, что Павел якшается с этими людьми".

4. Хор.

Своего заклятого врага видит мать

В каждом, кто

Поддерживает ее сына в его возмущении. Много

Лучше, кажется ей, было бы для сына,

Если бы он оставался уживчивым.

Тогда бы к нему, пожалуй, лучше относились его

угнетатели.

Тогда бы он смог как-то выбиться из нищеты,

А может быть, даже

Не без выгоды для себя присоединиться

К угнетателям. А так

Он, пытаясь укрепить свой кров,

Только вредит этому крову!

Стр. 407. После слов: "Они неправильно делают..."

5. Хор.

Постойте! Не продолжайте! Удивительно то, что вы
тут представляете!

Эта женщина осуждает людей, которые ей
враждебны,

За их жестокость.

Только исполнение кажется ей жестоким, но не закон!

Есть иные, которые прощают людей, исполняющих

Жестокие законы.

И то и другое - ложно! Не делайте различия

Между этим законом и его исполнителями, между
этим государством

И его повелителями!

Оно точь-в-точь таково, каковы они сами! Ибо
людьми

Оно создано. Из людей состоит оно, и ради

Людей оно создано.

И вовсе не ради всех,

А лишь ради немногих - не таких, как ты.

Легко возникает и долго держится слух,

Что государство есть нечто иное, чем те,

Которые им управляют,

И то, что государство есть нечто более благородное,
чем те.

Которые используют его ради своих выгод.

Вот как говорят: это хорошие люди творят дурные
дела.

Говорят также: дурные люди служат

Доброму делу.

Но в действительности - дурен тот, кто дурно

Поступает, и дурно

Дело дурного.

Итак, не говори: хорошо государство.

Которое дурно с тобой поступает,

И оно могло бы быть лучше. Нет, если бы оно было
лучше,

Оно больше не было бы государством.

VII

ОБРАЗЕЦ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШИХ СЦЕН

После того как зритель, посмотрев спектакль, ознакомится с героиней "Матери", могут быть поставлены такие, например, сцены.

ПАЛЬТО ИЗ БУМАГИ

Даже в мелочах повседневной жизни Пелагея Власова ищет случая побороть равнодушие измученных людей, которые притерпелись к своему горю.

ЛАВОЧКА

Работница (с ребенком). Сколько с меня?

Лавочница. Колбаса - пять, мука - двенадцать. Повидло - десять, чай двадцать, спички - две копейки. Всего сорок девять копеек.

Работница (ребенку). Вот видишь, Ильич, - сорок девять копеек, а мне еще нужно тебе купить пальтецо. (Остальным женщинам в лавке.) Он ужасно мерзнет.

Женщины. Легковато одет. Недолго и простудиться. Как вы ему позволяете выходить на улицу в этакий снег?

Работница. Но у меня остался только двугривенный. Пальтеца у вас есть?

Лавочница показывает на вешалку, где висят шесть детских пальто.

Да тут их целая куча! (Пробует материю.) А ведь впору. И, видать, недорогое. Правда, не очень теплое. Но и не плохое. То, на подкладке, не лучше ли?

Лавочница. Зато и дороже.

Работница. А что стоит легонькое?

Лавочница. Пять с полтиной.

Работница. Таких денег у меня нет.

Лавочница. Даром только смерть бывает. (Другой женщине.) Вам чего требуется?

Женщина. Полфунта манной.

Работница. На той неделе опять урезали зарплату на муратовской фабрике.

Мать. Об этом и я слыхала: рабочие согласились.

Работница. Иначе Муратов вообще закрыл бы фабрику. Ежели моему мужу выбирать: поменьше зарплаты или совсем без зарплаты, как же не согласиться?

Мать. Учись, Ильич. Всегда надо выбирать меньшее зло. Это и для господина Муратова меньшее зло. Ему приятнее платить нам меньше, чем больше. Чтоб господину Муратову получить прибыль, милый Ильич, ему надо урезать плату твоему отцу. Отцу это не нравится. Ну что ж, может не работать. Его право. Но тебе нужно пальтишко. А главное - тебе нужно не двадцатикопеечное пальтишко, а настоящее. Если б тебе нужно было пальтишко за двугривенный, ты носил бы вот что. (Берет бумажную выкройку пальто с прилавка и надевает на мальчика.)

Лавочница. Положите обратно!

Мать. Вот видишь, Ильич, тебе никакого пальто не полагается. Конечно, от такого бумажного толку мало. А тебе ведь хочется настоящее? Вот это к примеру - оно тоже не толще бумаги. А у твоей матери вообще нет пальто. Куда это годится?

Лавочница. Не трогайте мои выкройки!

Женщина. Она шутит.

Вторая женщина. Зачем издеваться над ребенком?

Мать. Кто издевается над ребенком? Я? А может быть, Муратов? Или фабрикант пальтишек? Ильич попросил пальто, которое стоило бы несколько копеек, - вот он и получил его. Разве оно не греет? Почему же он не попросил пальто потеплее?

Лавочница. По-вашему, я виновата? Да? Может быть, мне подарить ему пальто?

Работница. Ничего я не требую от вас. Я знаю - вы не можете этого сделать.

Первая женщина (матери). Вы правда думаете, что виновата лавочница?

Мать. Нет. Виноват один только Ильич.

Работница. Так или этак, а пальто я купить не могу.

Лавочница. Никто вас не заставляет, если цена неподходящая.

Мать. Правильно, Ильич. Ежели неподходящая цена - значит, никакого тебе пальто и не надо.

Работница. У меня двугривенный, и ни гроша больше.

Вторая женщина. Я ее знаю. Шляется тут и народ смущает.

Первая женщина (показывая ни плачущую лавочницу). А ей же надо платить за пальтишки фабриканту.

Мать. Конечно, это вовсе не одежда. Она не греет. И это не одежда. (Показывает на шесть пальто на вешалке.) Это товар. Фабриканту пальтишек надо выколачивать прибыль - значит, Ильич ни о каком другом пальто и думать не может. Это пальто и есть меньшее зло, Ильич. Совсем без пальто - было бы большее. Ступай, Ильич, на улицу в своем пальтишке и скажи снегу, чтоб он тебя пощадил, потому что господин Муратов тебя щадить не хочет. У тебя, Ильич, ненастоящее пальто и ненастоящие родители - они не знают, как добыть тебе одежду. И скажи заодно снегу и ветру: пусть врываются сюда - здесь висят настоящие пальто.

VIII

КРИТИКА НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ПОСТАНОВКИ

(ДЛЯ ЖУРНАЛА "НЬЮ-МЭССИС")

Постановка "Матери", осуществленная "Театр Юнион", представляет собой попытку показать нью-йоркским рабочим пьесу нового, доселе не известного им типа - пьесу неаристотелевской драматургии. Для такой пьесы требуется новый стиль постановки - стиль эпического театра, который использует одновременно и технику высокоразвитого буржуазного театра, и технику небольших актерских коллективов, выработавших после революции в Германии для своих пролетарских целей своеобразный новый стиль; этот стиль неизвестен не только зрителям, но и актерам, режиссерам и драматургам. Вдруг оказалось, что режиссура требует таких политических знаний и такого особого мастерства, какие при постановке пьес общеизвестного типа не нужны.

Если есть театр, который способен идти впереди публики, а не плестись у нее в хвосте, то это пролетарский театр. Однако идти впереди публики - вовсе не значит отстранять ее от

участия в работе театра. Наши театры должны были бы в гораздо больших, чем в настоящее время, масштабах организовать контроль над работой театра со стороны наиболее политически и культурно развитой части публики. Целый ряд вопросов, возникавших при постановке пьесы "Мать", мог бы без труда быть решен при участии рабочих, а организовать такое участие нетрудно. Никогда, например, политически грамотные рабочие не согласились бы с театром, утверждавшим, что, поскольку публика требует, чтобы спектакль длился не более двух часов, необходимо во что бы то ни стало вычеркнуть в третьем акте большую (хоть и занимающую всего семь минут) сцену антивоенной пропаганды. Они тотчас сказали бы: но ведь тогда получится, что вслед за сценой, показывающей, как в 1914 году подавляющее большинство пролетариата отклоняет лозунги большевиков (XII), сразу, без всякого перехода, будто дар небес для тех, кто сидел сложа руки, наступает переворот 1917 года (XIV)! Надо же показать, что для осуществления таких переворотов необходима революционная работа, и надо показать, как ее следует проводить. Этими доводами они спасли бы и художественное построение третьего акта, погубленное злосчастной купюрой ключевой сцены.

Драматургия типа "Матери" одновременно и требует и предоставляет гораздо большую по сравнению с пьесами иного жанра свободу смежным искусствам, то есть музыке и оформлению сцены. Нас чрезвычайно удивило, что отличному оформителю сцены были предоставлены столь малые творческие возможности. Его не привлекали к обсуждению мизансцен, расстановке действующих лиц, с ним не советовались относительно костюмов. Так, например, без его согласия в последнюю минуту была произведена русификация костюмов операция с политической точки зрения сомнительная, ибо это создало впечатление лубка и деятельность революционных рабочих приобрела экзотический, местный характер. Даже вопрос освещения решался без него. По его замыслу осветительные приборы и музыкальные инструменты были на виду у зрителя. Но так как рояли во время исполнения музыки не освещались, то зрителям казалось, что для них просто-напросто не нашлось другого места ("Есть у меня идея - дай бороду наклею и веером прикроюсь впереди, поди-ка, бороду найди"). На сцене, не создающей никаких иллюзий, применялись световые иллюзионные трюки; например, в этих голых стенах, рассчитанных на совсем иные впечатления, среди незатейливых предметов обстановки, применялось поэтическое освещение октябрьского вечера. Так же обошлись и с музыкой Эйслера. Режиссура считала, что мизансцена и игра поющих не касается композитора, вследствие чего отдельные музыкальные номера не оказывали нужного воздействия на зрителя, поскольку политическое содержание было искажено. Хор "Партия в беде" безусловно нанес ущерб всему спектаклю. Вместо того чтобы поместить певцов или певца рядом с музыкальной аппаратурой или за сценой, режиссер заставил певцов ворваться в комнату, где лежит больная мать, и резкими жестами призывать ее прийти на помощь партии. Готовность каждого отдельного борца в час грозящей партии опасности обернулась насилием, вместо призывного клича партии, поднимающего на борьбу даже смертельно больных, получилось грубое вытаскивание из постели больной старухи. Пролетарский театр должен научиться свободному развитию различных искусств, которыми он пользуется. Он должен руководствоваться эстетическими и политическими соображениями и не создавать режиссеру условий для "самовыражения".

Весьма важный вопрос - вопрос упрощения. Для того чтобы зритель мог до конца понять политический смысл поведения персонажей, в показе поведения необходимы некоторые упрощения. Но простота - не примитивность. В эпическом театре персонаж имеет полную возможность раскрыть себя в кратчайшее время, например, просто сообщив: я учитель в этой деревне; моя работа очень трудна, так как у меня слишком много учеников, и т. д. Но, имея такую возможность, надо уметь воспользоваться ею. Для этого требуется искусство. Звучание текста, жестикуляция должны быть тщательно проверены и достигать максимальной выразительности. Так как интерес зрителя направляется исключительно на

поведение персонажей, нужно, чтобы с чисто эстетической стороны каждый жест был значительным и типичным. В режиссуре должен прежде всего чувствоваться исторический взгляд на происходящее. Так, небольшая сцена, в которой Власова получает первый урок экономики, отнюдь не является событием только личной жизни; это событие историческое: под чудовищным гнетом нищеты эксплуатируемые начинают мыслить. Они узнают причины своей нищеты. Пьесы этого типа проникнуты столь глубоким интересом к развитию описываемой в них жизни как к историческому процессу, что, в сущности, способны оказать полное воздействие на зрителя только при втором просмотре. Отдельные реплики персонажей - постигаются во всей своей полноте лишь в том случае, если зрителю уже известно, как будут говорить эти персонажи в дальнейшем. Поэтому все сценическое действие и реплики должны быть такого свойства, чтобы прочно запечатлеться в памяти. В постановке пьесы "Мать" в "Театр Юнион" правильные речевые приемы были использованы в следующих местах: в сцене болезни матери - госпожой Генри (к сожалению, позднее сцена была сокращена); в сцене первомайской демонстрации - исполнителем роли Павла - Джоном Боруффом, особенно когда он говорит, что Смилгин, двадцать лет в рабочем движении, рабочий, революционер, первого мая тысяча девятьсот пятого года, в одиннадцать часов утра и т. д.; артисткой Миллисент Грин в сцене, где бедная женщина, которую выселяют из квартиры, требует Библию, чтобы доказать, что христианин должен любить своего ближнего, и потом разрывает ее.

В этих местах реплики произносились правильно, потому что они произносились с полной ответственностью, как заявления на суде, которые заносятся в протокол, и потому что сопровождалась запоминающейся жестикуляцией.

Все это трудные художественные задачи, и первоначальный неуспех или только частичный успех не должны обескураживать наши театры. Если мы сумеем улучшить организацию театрального дела, если нам удастся уберечь наше представление о театре от косности, усовершенствовать и сделать более гибкой нашу технику, короче, если будем учиться, - то, принимая во внимание необычайную отзывчивость нашей пролетарской публики, несомненную свежесть и энтузиазм наших молодых театров, мы сможем создать подлинное пролетарское искусство.

IX

ПИСЬМО К НЬЮ-ЙОРКСКОМУ РАБОЧЕМУ ТЕАТРУ "ЮНИОН" КАСАТЕЛЬНО ПЬЕСЫ "МАТЬ"

Перевод "Письма" А. Голембы.

1

Когда я писал пьесу "Мать"

По роману товарища Горького и многим

Рассказам товарищей-пролетариев об их

Ежедневной борьбе, я писал ее

Без обиняков, скупым и сдержанным слогом,

Тщательно отбирая слова, заботливо подыскивая

Все жесты моей героини, подобно тому как это делают,
Когда сообщают о словах и деяниях великих.

Приложив все свои способности,

Я представил эти повседневные

Тысячекратно разыгрывающиеся события

В жалких жилищах,

Среди людей, коим несть числа, как исторические
события,

Ничуть не уступающие по значению прославленным

Подвигам хрестоматийных полководцев и

государственных мужей.

Я поставил себе задачу - поведать о великой

исторической героине

Всем безвестным передовым борцам человечества.

Дабы она стала примером для подражания.

2

Итак, перед вами пролетарская мать, идущая по пути,

По длинному извилистому пути ее класса, вы видите,

как сперва

Ей не хватает копейки из получки сына, как она

пытается

Сварить ему вкусный суп.

Так она втягивается

В борьбу с сыном, страшась его утратить. Потом

Она, против собственной воли, помогает сыну в его

борьбе

За копейку, вечно боясь потерять его в этой борьбе

Постепенно

Она устремляется вслед за сыном в гущу

экономической

Борьбы. При этом

Она учится грамоте. Покидает свою лачугу, начинает

Заботиться и о других

Кроме сына, но находящихся в одинаковом с ним

положении.

Начинает заботиться о товарищах сына, с которыми

она

Прежде боролась за своего сына, а ныне она борется

заодно.

Так начинают рушиться стены, ограждающие ее очаг.

За ее столом собираются

Сыновья многих иных матерей. Лачуга,

Которая прежде была слишком тесна для двоих.

Становится залом собраний. Но сына

Она видит лишь изредка. Борьба похищает его у нее.

И она сама стоит теперь в толпе борющихся.

Сын и Мать

Окликают друг друга в разгаре боя.

Наконец сын погибает. Теперь

Она уже не сможет варить ему вкусный суп, но теперь

Она идет по пути, указанному сыном. Но теперь она

вовлечена уже

В самую гущу непрестанной
Великой классовой битвы. Все еще Мать,
Теперь еще более Мать, мать бесчисленных павших,
Мать сражающихся, мать нерожденных,
Она начинает вторгаться в государственный организм,
Она портит кровь господам.
Ставит им палки в колеса.
Она чистит оружие. Учит своих многочисленных
сыновей
И дочерей языку борьбы
Против войны и эксплуатации, воин могучего войска,
Всепланетного войска, преследуемая и преследующая,
Та, которую не желают терпеть, и не желающая
терпеть.
Страдающая и неумолимая.

3

Так мы и поставили пьесу, словно отчет о великой
эпохе.
И спектакль как в сиянии множества ламп сверкал
Не менее ярко, чем былые спектакли из жизни
Венценосцев. Наша пьеса была не менее забавной
и занятной,
Чем они. И к тому же - сдержанной в грустных
местах.
Перед незапятнанным белым экраном
Выступали актеры, - жесты их были скупы

и характерны.

Они четко произносили свои фразы.

Произносили взвешенные слова, слова,

За которые можно поручиться.

Мы выжидали и вскрывали

Эффект каждой фразы. И мы выжидали также,

Пока публика положит значение каждого слова

на чашу весов - ведь

Нам случалось подметить,

Что неимущий и слишком часто обманываемый

Кусает монету, чтобы проверить

Не фальшивая ли она. И,

Как монеты,

Должны были проверять слова актеров

Наши неимущие и нередко обманываемые зрители.

Немногочисленные детали

Указывали на место действия. Несколько столов

и стульев:

Ведь мы ограничивались лишь самым необходимым.

Но фотографии

Самых крупных противников проецировались на щиты

задника.

И высказывания классиков социализма,

Начертанные на полотнищах или проецируемые

На задник,

Окружали наших

Ревностных актеров. Их поведение было
Естественным.
Однако все малозначительное было
После длительных раздумий сокращено. Музыкальные
номера
Исполнялись легко и не без обаяния. В зрительном
зале
Часто слышался смех. Неистребимый юмор
Хитрой старухи Власовой,
Основанный на уверенности
Ее молодого класса, возбуждал
Радостный смех на скамьях рабочих.
Они охотно использовали редкую возможность,
Не подвергаясь особой опасности, наблюдать
Обыденные события своей повседневной борьбы
И одновременно
Изучать их на досуге,
Устанавливая собственное отношение к происходящему.

4

Товарищи, я вижу, как вы
Читаете мою короткую пьесу и находитесь
В некотором смущении.
Скупой язык
Кажется вам бедным. Вы замечаете,
Что люди в жизни изъясняются не так,
Как персонажи этого отчета. Я прочел

Вашу обработку. В одном месте вы добавляете:
"Доброе утро",
В другом: "Хелло, мой мальчик!" Просторную сцену
Вы заполняете домашней утварью. Капустный дух
Витает над очагом.
Отважная становится всего лишь доброй.
Историческое - повседневным.
Вместо восхищения
Вы добиваетесь сострадания к Матери,
Потерявшей своего сына.
Гибель сына
Вы хитроумно переносите в финал.
Только в этом случае, думаете вы,
Зритель будет смотреть на сцену с интересом,
Пока не опустится занавес.
Как бизнесмен
Вкладывает деньги в предприятие, так,
Полагаете вы, зритель вкладывает
Свои чувства и эмоции в героев спектакля: он хочет
Вернуть эти эмоции,
И даже вернуть вдвойне. Но зрители-пролетарии
Первой постановки не жалели, и не из бесчувствия,
Что сын сошел со сцены задолго до финала.
Их интерес был по-прежнему прикован к сцене.
Ведь и тогда кое-кто допытывался у нас:
Поймет ли вас рабочий? Откажется ли он

От привычной отравы душевного участия
В возмущении одних, в восхождении других; от всех
Иллюзий, которые его подстегивают
В течение двух часов и оставляют
Еще более обессиленным,
С шаткими воспоминаниями и еще более шаткими
надеждами?
Неужели вы и впрямь, демонстрируя
Знание и Опыт, соберете полный партер
Государственных деятелей?
Товарищи, форма новых пьес нова. Но почему
Страшиться того, что ново? Это трудно сделать?
Но почему страшиться того, что ново и что трудно
сделать?
Для эксплуатируемого, вечно обманываемого
Жизнь - это непрерывный эксперимент;
Добывание нескольких грошей
Это ненадежное предприятие, это то,
Чему нигде не учат.
С чего бы это ему опасаться нового
И доверять старому? Но даже если бы
Ваш зритель, рабочий, усомнился - и тогда вы должны
Не бежать вслед за ним, а шествовать впереди него,
Быстро идти впереди него, широким шагом идти
впереди него,
Безусловно веря в его грядущую силу и могущество.

Х

ПРИМИТИВНА ЛИ НЕАРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ ТИПА ПЬЕСЫ "МАТЬ"?

Несмотря на то, что в основу нью-йоркской постановки были положены недостаточно четкие принципы, в ней все же много такого, что позволяет назвать ее постановкой эпической. Сетования буржуазной публики, которую лишили привычного "переживания", не заставили себя ждать ни в Берлине, ни в Нью-Йорке.

"Ахт-ур абендблат", Берлин, 1932, 18 января.

"...Брехт обращается к слуху и разуму, почти совершенно отбрасывает русский колорит и основы русской психологии, изображение которых сделало тенденциозный роман Горького произведением искусства...".

"Нью-Йорк дейли геральд", 1935, 20 ноября.

"...Пудовкин переработал роман в выдающийся и волнующий трагедийный фильм. В переделке же Брехта горестная повесть о матери рабочего, невольной способствующей гибели сына и искупающей свою вину, идя на смерть вместе с ним во время забастовки, невероятно искажена... показана мать, проходящая своего рода семинар по тактике классовой борьбы с 1905 по 1917 год, а краски классического произведения Горького почти исчезли...".

"Дойче цейтунг", Берлин, 1932, 18 января.

"...Для спектаклей этого стиля в распоряжении театра имеются актеры, чарующие ясностью своей игры. Правда, собственно актерское искусство, то есть претворенная в переживаемом сценическом действии страсть, подавляется, и вместо актера выступает репортер, рассказчик, сторонний наблюдатель".

"Вестфэлишер курир", Хамм.

"...Он (Биллингер) показывает также своей концовкой, как после гибели этой совращенной демонами четы некто, под влиянием событий и проникшись благостьюней Христова дня, некто, также очарованный волшебством снежной ночи, принимает решение вступить в брак, - это шедевр Биллингера, созданный им во имя утверждения брака, как он нам завещан в таинстве очеловечения бога и святого семейства. Мы можем гордиться тем, что наконец еще один драматург-католик удостоен чести быть представленным на столь высокой сцене.

Сколь убога в сравнении с этим спектаклем постановка коммунистической группы молодых актеров, показавшей пьесу "Мать", написанную Брехтом по известному роману Максима Горького! Жизненные перипетии вдовы и матери рабочего, у которой не хватает средств, чтобы досыта накормить сына, последовательно приводят ее от личной жизни к партии, и этим доказывается, что даже матери должны стоять там, где империалистическая война, согласно учению Ленина, превращается в войну гражданскую".

"Дойче тагесцейтунг", Берлин, 1932, 18 января.

"...То, что происходит, то, что показано публике, крайне убого и ребячливо...".

"Дейли миррор", Нью-Йорк, 1935, 20 ноября.

"...\"Мать\" - никудышная пьеса, поставленная по-любительски...\".

"Форвертс", Берлин, 1932, 18 января.

"...Это (роман Горького) - замечательная книга... Пелагея умирает как достойная преклонения пролетарка, невзирая на то, что царские жандармы издеваются над бесстрашной революционеркой... Брехт же превращает чудесный "горькизм" тех времен в сталинизм 1932 года... Короче говоря, великолепный роман, переделанный в драму, снова становится романом, но утратив психологическую глубину\".

"Берлинер тагеблат", 1932, 18 января.

"...Мы будем слишком снисходительны, если скажем: это пьеса для примитивных зрителей. Нет, это пьеса примитивного автора\".

"Бруклин дейли игл", 1935, 20 ноября.

"...Это следовало бы отнести к детским развлечениям, ибо это всего-навсего детский сад для коммунистических малолеток\".

"Нью-Йорк изнинг джорнал", 1935, 20 ноября.

"...Сдается мне, они недооценивают уровень развития своей публики. Их метод наивен, как школьная доска, ребячлив, как набор детских кубиков.

"Я Пелагея Власова, - говорит старая женщина, обращаясь непосредственно к публике, - и я готовлю суп моему сыну, рабочему. Суп становится день ото дня все более жидким, и сын отказывается от него. В сыне растет недовольство, и он попадет в беду. Он читает книги\".

Она могла бы с таким же успехом сообщить еще и ту интересную новость, что кошка пишется к-о-ш-к-а...\"

Ясно, что буржуазная публика упорно настаивает на быстром удовлетворении в театре своих идеологических и психологических потребностей. Если театр не выполняет или лишь отчасти выполняет предписанную ему функцию, значит, он несостоятелен, скуден, слишком примитивен. Насколько трудно пробить это косное предопределение функции, показывает простодушное признание Андора Габор в "Линкскурве" в связи с постановкой бехеровского "Великого плана" (якобы) эпигонами эпического театра. Габор пишет:

"Линкскурве", Берлин, 1932, ноябрь-декабрь.

"Если он (зритель) и шел туда с намерением воздать дань восхищения театру, автору и актерам, то все же он не смог этого сделать, поскольку спектакль "только" - правда, и это немало - натягивал струны, но не рождал звучной мелодии, которую зритель жаждал услышать\".

Вот зачем, оказывается, ходят в театр даже политически просвещенные люди! И дальше - ни единой строчки о политическом значении спектакля! Но только очень сильные

политические или по крайней мере философские или практические интересы зрителя могут наделять театр новой общественной функцией. Рабочие, посмотревшие пьесу "Мать", отнюдь не уходили со спектакля равнодушными. Да и пьеса не показалась им примитивной.

"Вельт ам абенд", Берлин, 1932, 8 января.

"...Назвать этот стиль примитивным, конечно, никак нельзя. Было очень много сцен, которые наверняка могли бы явиться материалом для целого ряда дискуссий".

"Нью-Йорк пост", 1935, 20 ноября.

"...Посетители премьеры, с которыми говорил ваш корреспондент, пришли на спектакль, побуждаемые одним из двух чувств: любопытством или сочувствием борьбе рабочих. В своих высказываниях они, как правило, оставляли без внимания непривычные приемы постановки и больше касались политической темы, чем пьесы как таковой".

"Нью лидер", Нью-Йорк, 1935, 30 ноября.

"...Взятая сама по себе, пьеса "Мать" - наиболее искренняя, наиболее непосредственная и наиболее прямолинейная драма из всех поставленных на сцене "Тиэтр Юнион". Не сразу можно уяснить себе, в какой плоскости решен спектакль, и в течение первых нескольких минут "Мать" кажется сентиментальной и наивной. В сущности, она такова и есть, ибо это драматизированное поучение, в основу которого положена история жизни одной женщины, элементарная прокламация в виде театрального спектакля, тема классового сознания, лишенная каких бы то ни было игровых уснащений, обнаженная до кости борьба, которая составляет сущность этой пьесы-проповеди. И как таковая "Мать" становится значительным документом, интересно задуманным и несомненно впечатляющим. Это не сценическое действие в сколько-нибудь обычном смысле; но это показанное простейшими средствами еще одно наглядное свидетельство далеко идущих возможностей театра и его ценности. И если не хронологически, то по своей композиции, духу и плодотворной энергии "Мать" - прародительница всех дидактических, всех пропагандистских пьес".

"Нью-Йорк дейли уоркер", 1935, 22 ноября.

"...Брехт хотел создать спектакль, воплощающий драматическую историю современной классовой борьбы, кульминацией которой должна быть победа пролетариата. Спектакль был задуман с большим размахом. Сцена за сценой, картина за картиной борьба мирового масштаба должна была предстать перед глазами зрителя... Революционная техника: само собой понятно, что такая постановка требует особой техники. Утверждали, что игра актеров неизбежно должна быть абстрактной, поскольку социальные категории представляют собой абстракции. Мы думаем, это неверно. Рабочие, капиталисты и чиновники действующие лица такой пьесы - могут быть живыми человеческими существами, людьми из плоти и крови. Другими словами, они могут быть реальны. Справедливо, однако, что это будет реализм особого рода... "Тиэтр Юнион" показал волнующую новую пьесу... Она не похожа ни на какую иную пьесу из всех идущих в американских театрах... Автор смело использовал новую стилевую, постановочную и музыкальную технику, чтобы рассказать прекрасную повесть... В центре пьесы - один из наиболее запоминающихся сценических образов - Пелагея Власова, мать-революционерка...".

Зрители были весьма далеки от мысли, что им демонстрируют определенные исторические события, происходившие в России, ради "духовного приобщения" к увлекательным происшествиям, в результате чего должно "выкристаллизоваться извечно

человеческое", и т. д.; так же далеки они были от намерения забыть о нечеловеческих условиях, в которых они живут, - в особенности о тех, которые подлежат изменению; они с готовностью мобилизовали весь свой опыт, ум, боевой пыл на осознание стоящих перед ними трудностей и задач - они сравнивали, возражали, критиковали поведение действующих лиц либо, абстрагируя, переносили его в собственные условия существования, тем самым извлекая для себя уроки. Они понимали эту психологию - психологию, применимую на практике, политическую. Зритель поставлен лицом к лицу с портретами, чьи живые оригиналы он не должен воспринимать как строго определенные явления; напротив, он должен влиять на них, то есть - заставить их высказываться и действовать. Его задача по отношению к своим ближним заключается в том, чтобы самому стать для них одним из определяющих факторов. В осуществлении этой задачи ему должна помочь драматургия. Следовательно, такие определяющие факторы, как социальная среда, характерные события и т. д., должны быть изображены изменяемыми. Известная взаимозаменяемость событий и обстоятельств обеспечивает зрителю возможность монтажа, эксперимента и абстрагирования, что и является его задачей. Человека, участвующего в политической борьбе, интересуют только определенные индивидуальные различия между людьми, с которыми он общается, от которых зависит, с которыми борется (например, такие различия, знание которых облегчает классовую борьбу). Он не считает нужным лишать определенного человека всех его примет, дабы увидеть в нем "человека" (вообще) - то есть существо, не подлежащее изменению. Человек должен быть воспринят как судьба человека (зрителя). Вывод, вытекающий из. восприятия зрителя, должен быть практически применим.

Дело в том, что под пониманием человека мы подразумеваем ни больше ни меньше как умение взяться за него. Слишком общий, "всеобъемлющий" набросок своего рода моментальный снимок - недостаточен: это только предпосылка нашего подлинного, действенного процесса понимания, которому первоначальный набросок служит своего рода исходной точкой. И даже для определения этой исходной точки нужно отчетливо представить себе весь процесс: только так он может быть осуществлен и оказаться годным. Мы можем понять человека, только воздействуя на него. И только воздействуя на самих себя, мы можем себя понять. На первый взгляд определение человека как существа, которое может быть использовано людьми и в свою очередь использует людей, кажется неполным. Но для движения, поставившего себе целью борьбу против злостного использования человека человеком - для коммунистического движения, - такое определение имеет по меньшей мере практическую ценность: человек может неожиданно раздвинуть рамки этого определения и показать себя с исчерпывающей полнотой.

XI

"НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ" ВОЗДЕЙСТВИЕ

Общепризнанная эстетика, требуя от произведения искусства непосредственного воздействия, тем самым требует воздействия, которое перешагивает через все социальные и иные различия между отдельными людьми. Такого воздействия аристотелевская драматургия добивается и поныне, хотя классовые противоречия все глубже проникают в сознание людей. И добивается зачастую и в тех случаях, когда классовая борьба составляет сюжет драмы, даже если автор берет сторону одного из противостоящих друг другу классов. И каждый раз, пока длится спектакль, сидящие в зрительном зале на основе присущего им всем "общечеловеческого" образуют некий однородный коллектив. Неаристотелевская драматургия типа "Матери" не заинтересована в образовании такого коллектива. Она предпочитает дифференцировать свою публику.

"Нойе пройсише кройццейтунг", Берлин, 1932, 18 января.

"...Речь идет о матери, которую сын вовлекает в партийную работу и которая в конце концов становится трудолюбивой пчелкой в упорной подрывной деятельности на пользу коммунизму. Итак: славословие рядовому члену партии, выполняющему свой долг. Грубая, раздражающая пропаганда. Праздник для единомышленников, более действенная агитация, чем речи и газетные статьи. Для стороннего наблюдателя - бред...".

XII

УЗОК ЛИ КОММУНИЗМ?

"Дойче альгемейне цейтунг", Берлин, 1932, 17 января.

"...Брехт написал еще одну дидактическую пьесу - сценический вариант горьковского романа "Мать". Это наставление для примитивных слушателей, как правильно, то есть по-коммунистически, вести себя во всех жизненных ситуациях. С точки зрения театрального и драматического искусства - это ужасно; как образец политической пропаганды - это достойно внимания...".

"...Тема пьесы - политическое поведение, цель ее - соответствующее воспитание слушателей. К этой цели направлены все усилия, для нее мобилизованы все средства, так что эта постановка, которую несомненно опять будут протаскивать на подмостках Востока и Севера, скорее предназначена для политиков, чем для нашего брата...".

"...Перед этой повестью о матери, которой, вопреки ее воле, сын и его друзья прививают правила коммунистического поведения и которая сама становится активной пропагандисткой коммунизма, чувствуешь себя как-то не на своем месте. Авторы преследуют отнюдь не художественные, а чисто политические цели...".

"Германия", Берлин, 1932, 19 января.

"...дабы наконец возразить тем, кто считает Брехта феноменальным художником, - только потому, что он якобы открыл новый стиль театрального искусства".

"Но за ним стоит вовсе не его индивидуальная воля. Не его художественный замысел. За ним стоит - и это доказал спектакль в театре Комедии! - вся коммунистическая идеология. Она стоит за драматургом Брехтом, который постепенно превратился в одного из литературных истолкователей большевизма в Германии. Поэтому оценивать его надо не в эстетическом, а в политическом плане".

"Кенигсбергер альгемейне цейтунг", 1932, 23 января.

"...Эта повесть о матери, которой, вопреки ее воле, сын и его друзья прививают правила коммунистического поведения и которая сама становится активной пропагандисткой коммунизма, не имеет ничего общего с искусством. Цель постановки - чисто утилитарная, она очень ловко осуществлена при помощи средств, вытекающих из принципов, на которых зиждется эпический театр Брехта".

"Дойче альгемейне цейтунг", Берлин, 1932, 17 января.

"...Для театрального искусства - это не имеет цены; в смысле политическом - настойчивое внушение, что помочь может только сила, что все средства хороши, - это все же

значительно...".

"...Мало что можно сказать о чисто театральных моментах, поскольку не это цель постановки...".

"Германия", Берлин, 1932, 19 января.

"В общем и целом - это открытая, ясная героизация женщины, перешедшей из буржуазного мира в пролетарский мир классовой борьбы".

"Дойче альгемейне цейтунг", Берлин, 1932, 17 января.

"...Именно потому, что впечатление от этой дидактической пьесы такое гнетущее, мертвящее, не следует недооценивать ее политического воздействия...".

"...Ибо здесь пропаганда одновременно и практическое указание, правило поведения, - а это решает все".

"Нойе Лейпцигер цейтунг".

"...В мире есть только одна не буржуазная стихия - стихия свободного духа. И в "Матери", как во всех театральных постановках, пропагандирующей организованную революцию, чувствуется мелкобуржуазное степенное мещанство" (Г. Кестен).

Многие, почти все буржуазные критики "Матери" указывали нам, что эта постановка касается только коммунистов. Причем говорили они так, словно дело коммунистов - это вроде разведения кроликов или игры в шахматы, то есть, дело, касающееся весьма ограниченного круга специалистов, о котором никак не могут судить люди, ничего не понимающие в кроликах или в шахматах. Но если и не весь мир считает коммунизм своим делом, все же коммунизм - дело всего мира. Коммунизм не разновидность среди других разновидностей. Борясь за отмену частной собственности на средства производства, коммунизм противостоит всем движениям - невзирая на любые различия между ними - как единому движению, если они отстаивают принцип частной собственности. Коммунизм считает себя единственным прямым наследником великой западной философии; развивая ее, он в корне модифицирует эту философию - так же как, являясь единственным практическим продолжением развитой западной (капиталистической) экономики, - он в корне изменяет ход ее развития. Наше право и наш долг заявить о том, что мысли, высказываемые нами, не узкосубъективны, а, напротив, объективны и для всех обязательны. Мы говорим не для себя, не для небольшой части человечества, а для всего человечества в целом, ибо мы представляем интересы всего человечества (а не части его). Никому не дано права оспаривать нашу объективность на том основании, что мы боремся. Кто бы ныне ни пытался создать видимость объективности, заявляя о своем неучастии в борьбе, при ближайшем рассмотрении окажется безнадежно субъективным защитником интересов крохотной части человечества. Он - если не субъективно, то объективно - предает интересы всего человечества, отстаивая сохранение капиталистических основ имущественных и производственных отношений. Буржуазный "левый" скептик, создавая видимость объективности, не понимает или старается скрыть, что он участвует в этой великой борьбе, именно потому, что не называет борьбой то насилие, которое неуклонно применяет небольшой общественный слой, применяет так давно, что оно уже не доходит до сознания. Необходимо выбить из рук этого собственнического слоя, этой выродившейся, грязной, объективно и субъективно бесчеловечной клики все "идеальные ценности" - независимо от того, как в дальнейшем захочет распорядиться этими ценностями угнетенное человечество,

которое, чтобы избежать окончательного падения, борется против эксплуатации, против торможения, своих производительных сил. Прежде всего нужно во что бы то ни стало лишить этот слой всякого права на уважение. Какое бы содержание ни обрели в будущем такие понятия, как "свобода", "справедливость", "человечность", "просвещение", "производительность", "смелость", "преданность", - ими больше нельзя пользоваться до тех пор, пока они не будут очищены от всего, что пристало к ним за время их действия в буржуазном обществе. Наши враги - враги человечества. Нельзя признать, что они "правы" со своей точки зрения: их неправота коренится в самой точке зрения. Возможно, они должны быть такими, каковы они есть, но их не должно быть. Можно понять, что они защищаются, но они защищают грабеж и привилегии, и здесь нельзя говорить, что "понять - значит простить". Кто человеку волк, тот волк, а не человек. В наше время, когда вынужденная самозащита огромных человеческих масс становится решающей битвой за командные высоты, "доброта" означает уничтожение тех, кто делает доброту невозможной.

"Германия", Берлин, 1932, 19 января.

"Пьеса "Мать" повествует о том, как героиня перерастает сферу лично-человеческого и становится фигурой общественно-политической - в духе марксизма. Она любит своего сына, рабочего и сына рабочего. Конфликт начинается с копейки, которой не хватает, чтобы сварить суп пожирнее. Он завершается красным знаменем, которое старая женщина пронесит во главе партии на демонстрациях, вплоть до революции семнадцатого года и образования нового, Советского государства. Она проходит все стадии коммунистической тренировки от распространения листовок, через ликвидацию неграмотности и агитацию среди крестьян, до "славного" ленинского восстания; она выучивается сначала безлично, а затем бесчеловечно и, наконец, даже лживо (разумеется, в интересах партии) выполнять партийную работу, агитируя сперва честными, потом даже жульническими приемами: так, например, во время войны она сначала притворяется, что вместе со всеми самоотверженно сдает медную утварь, потом уговаривает всех разойтись по домам, хитро пуская в ход "буржуазные" аргументы, и только под конец открывает свое истинное лицо; она стоит за "превращение империалистической войны в войну гражданскую" (Ленин), впоследствии сама участвует в этом победоносном превращении; это и составляет учебный материал пьесы".

Буржуазным критикам кажется, что такие произведения подразумевают ограниченный круг интересов и не привлекают внимания к общечеловеческим проблемам; однако в действительности те интересы, которые здесь хотя бы подразумеваются - пусть еще не пробудившиеся, - в полной мере являются всеобщими, и именно потому они противоречат интересам буржуазных критиков. Те работники умственного труда, чье мышление определяется их материальной зависимостью от владельцев средств производства, не имеют ничего общего не с делом коммунизма, а с делом всего мира. Отмежевываясь от коммунистов под тем предлогом, что их мировоззрение односторонне, ограничено, несвободно, они отмежевываются от дела всего человечества и объединяются только с бесспорно всеобъемлющей, бесспорно ничем не обузданной, бесспорно свободной системой эксплуатации. Очень многие работники умственного труда отдают себе отчет в том, что мир (их мир) полон противоречий, но они не делают из этого выводов. Если исключить тех, кто создает для себя некий противоречивый мир (он и существует-то лишь благодаря противоречиям), то мы имеем дело с людьми, которые более или менее сознают противоречивость окружающего! мира, но ведут себя так, словно никаких противоречий нет. Поэтому окружающий мир мало влияет на их мышление, и не удивительно, что их мышление, в свою очередь, не влияет на мир. Но это приводит к тому, что они вообще отказываются мышлению в способности влиять на мир: так возникает идея "чистого духа", который существует только для себя, в большей или меньшей степени ограниченный

"внешними" условиями. В глазах этих людей проблемы, поставленные в пьесе "Мать", повествующей о судьбе женщины из рабочей среды, не относятся к сфере духовной. Вместо себя они посылают политиков. И так же как сами они не имеют ничего общего с практикой, так те, по их мнению, не имеют ничего общего с духом. Зачем голове знать, что делает рука, наполняющая ее карманы! Эти люди против политики. На практике это означает, что они за политику, которая проводится с их помощью. Их поведение, даже профессиональное, насквозь политическое. Обосноваться вне политики - это не то же самое, что быть поселенным вне политики; и стоять вне политики не то же, что стоять над политикой.

Иные из них думают, что можно быть совершенным при несовершенном государственном устройстве, не пытаясь совершенствовать его. А государство наше устроено именно так, что ему не нужны совершенные или стремящиеся к совершенству люди. Повсюду мы видим заведения, которым требуются только калеки - однорукие или одноногие, а то и вовсе без ног. Для административных учреждений лучше всего подходят дураки. Наши полицейские для отправления своей должности должны быть буянами, а судьи - слепцами. Ученые - немые, если не глухонемыми. А издатели книг и газет, чтобы не вылететь в трубу, рассчитывают только на неграмотных. То, что принято называть умом, обнаруживается не в поисках правды и провозглашении ее, а в поисках неправды и в большем или меньшем искусстве умолчания. Есть люди, которые сетуют на отсутствие великих творений и приписывают это нехватке больших талантов. Но никакой Гомер, никакой Шекспир не сумел бы воплотить в стихах то, что они хотят услышать. И те, что сетуют на отсутствие великих творений, отлично могут прожить без них, а с ними, пожалуй, не смогли бы.

ХІІІ

НЕПРИЯЗНЬ К УЧЕНИЮ И ПРЕЗРЕНИЕ К ПОЛЕЗНОМУ

"Нью-Йорк Сан", 1935, 20 ноября.

"...Вся суть в том, разумеется, что Пелагея Власова, мать, поначалу верит в бога, в царя, и частную собственность, затем постепенно перевоспитывается, главным образом посредством наставлений. Ей все весьма обстоятельно разъясняют, и, уразумев преподанные ей уроки, она столь же обстоятельно разъясняет все другим. Потом она вместе со всеми повторяет разъяснения так же неторопливо и обстоятельно, обращаясь к публике..."

Один из главных аргументов буржуазных критиков против неаристотелевской драматургии типа "Матери" опирается на опять-таки чисто буржуазное разделение понятий "занимательно" и "поучительно". Исходя из этого, "Мать", возможно, поучительна (хотя бы только, как подчеркивается, - для небольшой части зрителей), но безусловно не занимательна (даже и для этой небольшой части). Принять это разделение довольно соблазнительно. Сгоряча может показаться, что противопоставлять учение наслаждению искусством означает только попытку принизить учение. На самом деле такое усердное очищение искусства от всякой познавательной ценности, разумеется, ведет к принижению искусства. Но достаточно оглянуться вокруг, чтобы понять, какое место отводится учению в буржуазном обществе. Его функция - покупка знаний, приносящих материальную выгоду. Эта покупка должна состояться до включения члена общества в процесс производства. Следовательно, сфера учения незрелость. Допустить, что мне еще не хватает каких-то знаний, необходимых для моей специальности, - то есть позволить застать себя за учением, равносильно признанию, что я неконкурентоспособен и не имею права на кредит. Память о нестерпимых муках, которые испытывает буржуазная молодежь, пока ей вдалбливают в голову "науку", отвращает ее от учения, и тот, кто пришел к театр "поразвлечься", не желает чувствовать

себя "сидящим на школьной скамье". Желание учиться опорочено.

Ведь и все полезное и тяга к полезному презирается общественным мнением - с тех пор как люди извлекают пользу лишь при помощи подлостей, ибо пользу приносит только использование во зло своего ближнего. Полезен тот, кого можно эксплуатировать, тот, кто бесправен. Пока он не приносит пользы, корзину с хлебом надо вешать повыше. Но и тот, кто эксплуатирует его, не этим заслуживает уважение, а только материальными и духовными благами, которыми он располагает благодаря извлеченной (втихомолку) пользе. В эпоху феодализма феодальный владетель, сам уже обеспеченный своими привилегиями, утверждал, что не обязан приносить пользу ни себе, ни другим; в эпоху наступления на мелкую буржуазию капиталист презирает приносящего пользу, обгоняя его и заставляя все большее число людей приносить пользу. Пролетаризация мелкой буржуазии и растущее самосознание рабочего класса уже приводят к нарушению идеологических систем, поскольку эксплуатация отныне мыслится как злодеяние, которое надлежит совершать втихомолку. Наряду с этим в пролетариате пробуждается новая свободная и могучая тяга к полезному, которая никого не может смутить, ибо он борется именно за уничтожение тех условий, при которых польза извлекается посредством причиняемого вреда.

1932 и 1936

КОММЕНТАРИИ

Переводы пьес сделаны по изданию: Bertolt Brecht, Stucke, Bande I-XII, Berlin, Auibau-Verlag, 1955-1959.

Статьи и стихи о театре даются в основном по изданию: Bertolt Brecht. Schriften zum Theater, Berlin u. Frankfurt a/M, Suhrkamp Verlag, 1957.

МАТЬ

(DIE MUTTER)

Пьеса написана в 1930-1932 гг., издана в 1933 г. В первом издании она состояла не из четырнадцати, а из пятнадцати картин: картина "Пальто из бумаги", впоследствии перенесенная в "Примечания" (см. стр. 468-470), входила в основной текст. В авторском примечании к первому изданию читаем: "Это инсценировка романа Максима Горького. Кроме того, была использована инсценировка романа, сделанная Г. Штарком и Г. Вайзенборном. Музыка написал Г. Эйслер. Первое представление состоялось в Берлине в годовщину смерти великой революционерки Розы Люксембург".

На русский язык пьеса переведена в 1933 г. Сергеем Третьяковым и вошла в изданный в 1934 г. сборник пьес Брехта - "Эпические драмы".

Горький оказал значительное влияние на идейное развитие Брехта и его приобщение к методу социалистического реализма. О живом интересе и глубоком уважении к великому русскому писателю свидетельствует ряд произведений и высказываний Брехта. В частности, в 1932 г., спустя несколько месяцев по окончании работы над пьесой "Мать", Брехт писал: "...Будь даже "Мать" (Горького. - И. Ф.) рассказана менее выразительно, она не потеряла бы своего колоссального значения для всех, кому близки проблемы этой повести. В передаче же Горького эти проблемы становятся вдруг близки огромнейшему количеству людей. Он заставил прислушаться к делу рабочего класса как к делу общему, всеохватному, делу всего человечества..." ("Литература мировой революции" 1932, Э 9-10, стр. 151).

Здесь сформулировано то главное, что привлекло Брехта к повести Горького, то есть присущая ей такая широта в постановке проблем классовой борьбы и социалистической революции, при которой они, выходя за рамки локального, исторически и национально ограниченного, апеллировали к сознанию всего человечества. В примечаниях к пьесе (см. стр. 487) Брехт также акцентирует ту мысль, что "коммунизм - дело всего мира" и коммунисты "представляют интересы всего человечества". Поэтому, работая над инсценировкой, он избегал подчеркивания моментов местных, национальных, избегал всего, что могло бы сузить общезначимость пьесы, умалить ее интерес и поучительность для зрителей любой страны.

Пьесе Брехта предшествовала инсценировка Гюнтера Штарка и Гюнтера Вайзенборна. Эти авторы стремились драматизировать повесть Горького, переложить ее в форме диалогов по возможности полно и точно, без отступлений и добавлений. Потери и упрощения при этом были, однако, неизбежны. Так, например, несмотря на максимальную, казалось бы, верность оригиналу, в инсценировке Г. Штарка и Г. Вайзенборна не было с достаточной выразительностью показано главное - процесс духовного роста героини, ее превращение из темной и забитой женщины в передового, сознательного борца-революционера.

Брехт пошел по совершенно иному пути, почти ни в чем не воспользовавшись работой своих предшественников. Он - вместе с сотрудниками, к которым примкнул и Г. Вайзенборн, - написал не столько инсценировку, сколько оригинальную пьесу по мотивам повести Горького. Сохранив русские имена, названия городов и т. п., Брехт - дабы приблизить действие к сознанию немецкого зрителя - ввел в пьесу некоторые проблемы, отсутствовавшие у Горького (например, борьба с реформизмом в рабочем движении, борьба против угрозы войны, тактика превращения войны империалистической в гражданскую и др.), но полные жгучей политической актуальности в Германии на рубеже 20-30-х гг. Из четырнадцати картин лишь в семи Брехт сохранил сюжетную связь с теми или иными эпизодами повести. Он довел действие своей пьесы до 1917 г., чтобы показать немецкому зрителю ту историческую перспективу революционной борьбы пролетариата, которая уже победоносно осуществилась в России. Зато главную линию повести Горького - эволюцию Ниловны - Брехт, разумеется, сохранил и разработал очень тщательно и вдумчиво, хотя тоже оригинально, по-своему.

Характерно, что к пьесе Брехта Горький отнесся с полным пониманием и сочувствием, хотя она во многом отступала от его повести. Елена Вайгель еще в 1956 г. указала, что пьеса "Мать" была авторизована Горьким ("Sonntag", 1956, 6 июля). Более подробно сообщает об этом Ганс Эйслер в письме от 27 июня 1957 г., присланном Музею Горького. Он рассказывает, как в 1935 г. в Москве посетил Горького: "В этот вечер кроме меня у Горького были великий французский писатель Ромен Роллан и директор Московской консерватории пианист Нейгауз. Говорили о литературе и музыке... Затем Горький поделился со мной впечатлениями от чтения пьесы "Мать", Он был очень приветлив и нашел добрые слова о работе Брехта и моей. Он попросил меня сыграть что-нибудь из музыки к пьесе. Я сыграл ему следующие вещи: "Хвала социализму", "Хвала учению" и "Хвала диалектике". У Горького нашлись дружеские ободряющие слова, у Романа Роллана также" (Л. М. Юрьева, М. Горький и передовые немецкие писатели XX века, М., 1961, стр. 126).

Премьера пьесы состоялась в Берлине в театре Комедии на Шиффауэрдамм 15 января 1932 г. Она была приурочена к тридцатой годовщине со дня убийства Розы Люксембург. Режиссер - Эмиль Бурри, художник - Каспар Неер. В роли Пелагеи Власовой выступала Елена Вайгель, в роли Павла - Эрнст Буш.

Известный театральный критик Альфред Полгар так характеризовал игру главных исполнителей: "Елена Вайгель - мать. Вначале только голос, совершенно деловой, трезвый голос, выражающий минимум индивидуальности. Говорит не Пелагея Власова, а нечто посредством ее, из нее. Затем она снимает звуковую маску. Речь и игра становятся живее, человек возвращается от роли автомата к своей естественной манере, обнаруживает ум, хитрость, даже своего рода сдержанную страсть. В замечательной сцене с женщинами, сдающими медные вещи для производства патронов, госпожа Вайгель показывает себя превосходным диалектиком: здесь ее искусство обрело воздух, лучший чем спертый воздух эпического театра, и дышит спокойно, освобожденное от стилия. Примечательно, что мать в исполнении Вайгель, чем дальше по ходу действия, то есть чем больше стареет, тем моложе становится (омоложаемая идеей?)... Эрнст Буш, светлый, резкий, как всегда, разумеется, великолепный внешне, и по голосу... с той нерушимой внутренней бодростью, которая связана с волей, свободной от страха и сомнения" ("Die Weltbühne", 1932, 26 января, стр. 139).

Большое количество хоров и сонгов придало спектаклю в театре Комедии характер своеобразного гибрида драмы (на эпической основе) и оратории. Музыка Ганса Эйслера была призвана не столько создавать настроение, сколько направлять и прояснять мысль. Ритмическое начало в ней играло большую роль, нежели мелодическое и гармоническое. Хоры и сонги сопровождалась небольшой инструментальной группой в составе трубы, валторны, рояля и ударника.

Берлинский спектакль 1932 г. вызвал бурную реакцию и острое политическое размежевание в печати (см. выдержки из прессы в "Примечаниях", стр. 479-489). В. Миттенцвай несомненно прав, утверждая, что "история постановки "Матери" принадлежит к незабываемым битвам революционного пролетариата в канун 1933 года" (W. Mittenzwei, Bertolt Brecht, Berlin, 1962, S. 88). Газеты "Нойе пройssiше кройццейтунг", "Германия", "Католишес кирхенблатт", "Дер юнгдойче" и др. клеймили спектакль как "школу гражданской войны", как "подстрекательство к вооруженному перевороту" и требовали полицейского запрета. Между тем пьеса широко использовалась в пропагандистской работе КПГ. Она стала выездным спектаклем и в течение января - марта 1932 г., несмотря на всяческие полицейские препоны, ставилась в общественных помещениях пролетарских районов Берлина, во время большого предвыборного митинга КПГ во Дворце спорта и т. д. Выездной спектакль 3 пользу Межрабпома, назначенный на 29 февраля 1932 г, в Общественном доме района Моабит, был запрещен полицией якобы из соображений безопасности, под тем предлогом, что здание не приспособлено для театральные представления. Тем не менее спектакль состоялся, но-дабы формально соблюсти требования полиции - актеры читали текст без костюмов, декораций и реквизита. Во время спектакля полиция несколько раз вмешивалась, заставила отказаться от занавеса и наконец потребовала, чтобы актеры не двигались, а читали роли, сидя на стульях (E. Schumacher, Die dramatischen Versuche Bertolt Brechts, Berlin, 1955, S. 418). "Несмотря на это, - писала газета "Rote Fahne", воздействие спектакля было отличным. Благодаря "подыгрыванию" полиции воздействие даже значительно усилилось" ("Rote Fahne", 1932, 1 марта).

19 ноября 1935 г. состоялась в присутствии автора постановка в Нью-Йорке в "Тиэтр Юнион". Роль матери исполняла актриса Генри, роль Павла Джон Боруфф. Постановка была мало удачной, и Брехт имел к ней целый ряд претензий (см. "Примечания", стр. 470-473).

В 1951 г. Брехт осуществил постановку "Матери" в своем театре "Берлинский ансамбль". Режиссер - Брехт, художник - Каспар Неер, композитор - Ганс Эйслер, фотопроекции - братья Хартфильд - Герцфельде. В ролях: мать - Елена Вайгель, Павел - Эрнст Калер, Семен Лапкин, механик Эрнст Буш, Федор Лапкин, учитель - Герхард Бинерт,

Смилгин - Фридрих Гнас и т. д. В этом спектакле в текст 1932 г. были внесены некоторые изменения. В частности, роль Семена Лапкина (заменившего в пьесе Ивана Весовщикова) была развита и углублена, отчасти за счет текста роли Павла. Всестороннее и подробнейшее описание этого спектакля сцена за сценой, картина за картиной, с многочисленными фотографиями, пояснениями к ним и различными документальными материалами содержится в книге "Theaterarbeit", Dresden, 1952. Спектакль шел в течение пяти лет, затем после двухлетнего перерыва был возобновлен в 1957 г. и до сих пор находится в репертуаре театра. Он вызвал к себе большой интерес и оживленные споры у зрителей и критиков во время зарубежных гастролей театра. Его значение вынуждены были признать даже политические противники. "Хотя политические цели "Матери", - писал, например, французский критик Б. Пуаро-Дельпеш, - логически рассуждая, исключают комментарий эстетического свойства, мы должны все же спектакль рассматривать с точки зрения театра, и в этом отношении мы полны восхищения. Как бы они ни были просты и наивны... но открытые Брехтом пути педагогического воздействия представляют собой в истории театра знаменательную веху" ("Le Monde", 1960, 10 июня).

В ГДР с 1949 г. пьеса была поставлена в девятнадцати театрах, в том числе в Лейпциге, Карл-Маркс-штадте, Дрездене, Эрфурте, Галле, Мейнингене и др.

Стр. 412. Из двух зол мы выбираем меньшее. - Политический намек, понятный в 1932 г. в Германии любому зрителю: оппортунистические лидеры социал-демократии оправдывали свою соглашательскую тактику постоянных уступок домогательствам реакции неизбежностью "выбора из двух зол". Коммунисты подвергали "политику меньшего зла" резкой критике.

...мы стоим перед одним из крупнейших экономических кризисов... Реплика, придававшая действию пьесы особую актуальность в связи с обстановкой в Германии, которая переживала в то время глубокий экономический кризис (1929-1933 гг.) и массовую безработицу.

Стр. 452. Патриотический сбор меди. - Изображаемая здесь процедура сбора меди не характерна для России, но представляла собой очень реальную сцену из германского быта во время первой мировой войны.

Стр. 485. ...будут протаскивать на подмостках Востока и Севера... - В Берлине пролетарскими по составу населения и, следовательно, в политическом отношении "красными" считались северные и восточные районы города.

И. Фрадкин